

Оксана Панкеева

Цикл
«Хроники странного королевства»

ПЕРЕСЕКАЯ ГРАНИЦЫ
О ПОЛЬЗЕ ПРОКЛЯТИЙ
ПОСПОРИТЬ С СУДЬБОЙ
ЛЮДИ И ПРИЗРАКИ
ШЕПОТ ТЕМНОГО ПРОШЛОГО
РАССМЕШИТЬ БОГОВ

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Оксана Панкеева

Рассмешить богов

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Роман

 Москва, 2014
САРМАДА
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
П16

Серия основана в 2011 году
Выпуск 102

Художник
А. Клепаков

Панкеева О. П.

П16 Рассмешить богов: Роман.—М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014.—509 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-1733-9

Разные цели бывают у людей. Великие и скромные, добрые и низменные, бескорыстные и эгоистичные. Вернуть престол, спасти друга, убрать чересчур любопытного короля, помочь товарищу, устроить несчастный случай начальнику, уберечь единственного сына, завоевать мир, выполнить приказ. У каждого есть своя цель, и у каждого есть план — как ее добиться.

Но, как говорится, хочешь рассмешить богов — Расскажи им о своих планах...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1733-9

© Панкеева О. П., 2006
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014

ГЛАВА 1

Но как только Чебурашка открыл входную дверь, ему на голову неожиданно свалился большой красный кирпич!

Э. Успенский

Официальная процедура подтверждения подлинности Шеллара III была назначена на двадцать пятый день Бирюзовой луны. Местом означенной процедуры был выбран тронный зал Элвиса, поскольку Шеллар настаивал на том, что такие мероприятия следует проводить на нейтральной территории, и, как ни странно, лондрийский коллега его горячо в этом поддержал. После церемонии было запланировано внеочередное заседание Международного Совета, посвященное повальным неприятностям последних недель. Заседание поначалу планировалось на конец луны, но потом было перенесено по просьбе Элвиса и с общего согласия остальных членов Совета. О том, что идею совместить оба мероприятия Элвису подкинул все тот же Шеллар, скромно умалчивалось. Его величество об этом просил Пафнутий, который членом Совета не являлся, и, если бы до истинной причины кто-то докопался, могло дойти до скандала.

На церемонии присутствовали: все правители континента с семьями, исключая президента Мистралии, но включая непризнанную королеву Дану; придворные маги всех королевских домов, включая мэтрессу Джоану, но исключая шамана Даны (еще более непризнанного, чем его королева), избранные представители аристократии всех королевств и члены Совета Магнатов Голдианы, руководители спецслужб и специально приглашенные представители прессы.

Ожидаемый всеми Казак на церемонию не явился, на словах передав через Силантия, что делать ему там нечего. О смерти и бессмертии он знает не больше остальных, а позориться перед сбродом разнаряженных господ ему неохота. К тому же он совершенно уверен, что злючка Морриган непременно постарается его опозорить. Эта дама уже сорок пять лет обижена на него за то, что он облил ее святой водой и трижды перекрестил при традиционной попытке обернуться демоном в пикантный момент.

Кантору было бы любопытно понаблюдать за всеми высокопоставленными гостями, послушать, о чем они говорят, кое с кем поздороваться, но, к сожалению, он был уже на работе, поэтому ограничился тем, что поиграл в гляделки с господином Крошем, находившимся при бесценной персоне своего босса. Обмен злорадными взглядами и гадостными ухмылками закончился полной победой Кантора — Крош записиховал, задержался и продемонстрировал свою бессильную злобу всем, кто мог его видеть. Кантор в последний раз победно ухмыльнулся и отвернулся, будто он тут был ни при чем.

Мероприятие еще не начиналось, и приглашенные прохаживались по залу, раскланиваясь, беседуя и демонстрируя наряды. Кантор, как ему и полагалось, держался рядом с королем и честно прикидывался обычным охранником. Собственно, он и так частично им являлся, а какие-либо действия должен был предпринимать только по сигналу напарников, которые непосредственно занимались охраной его величества. Напарниками Кантора были высокий неразговорчивый вор, тоже первоклассный стрелок, и старенькая магичка, мастер щитов — оба — профессиональные телохранители с огромным стажем и наверняка лучшие в своем деле. Оно и понятно — кому попало не доверят охранять первое лицо королевства. Вопреки ожиданиям Кантора напарники на него не косились и никоим образом не демонстрировали недовольства тем, что к ним пристроили бесполезного новичка. Видимо, предусмотрительный король заранее снабдил их соответствующими инструкциями, и Кантору было весьма любопытно, что же его величество им наплел, ведь наверняка не правду, а нечто туманное, но настолько действенное, что новому охраннику готовы были простить даже пребывание на посту в не совсем адекватном состоянии. Перед выходом на работу Кантор выкурил изрядный косяк непонятно из каких трав, смешанных лично придворным магом, и теперь эти травы благоухали в радиусе нескольких

локтей, так что напарники не могли этого не чувствовать. Удовольствия от косяка Кантор не получил никакого, однако мэтр утверждал, что зелье проверено в деле неоднократно и стимулирует стихийные способности лучше всякого алкоголя и любых известных наркотиков. Пока что Кантор чувствовал только уже упомянутый запах и неприятную тяжесть в голове. На него наложили заклинание, обостряющее слух, так что теперь он мог слышать практически все, что говорилось в зале, даже шепотом в дальнем углу, однако ничего интересного пока не услышал.

Представители аристократии королевства Орган, графы Монкар и Диннар, а также герцоги Гирранди, перешептывались, предвкушая хоть какой-нибудь скандал. Даже если с их королем ничего не случится, они втайне надеялись на потасовку королевы Киры с королевой Даной на почве ревности или на публичные разборки его величества Шеллара с коллегой Александром.

Представители Лондры стояли столбами, то ли в силу воспитания, то ли до сих пор перепуганные репрессиями, которые закатил их король после неудачного заговора, и от них не было слышно ни слова. Поморцы вели себя более оживленно, чем обычно, даже Пафнутий молчал как-то напряженно, однако и они ни о чем интересном не говорили. Голдианцы обсуждали какие-то деловые вопросы и говорили о пошлинах на оружие и налогах на добавочную стоимость, в которых Кантор ничего не понимал.

Королева Галланта шипела на мужа и придерживала за подол старшую дочь, которая воспринимала происходящее как повод этим самым подолом повертеть. Причем соплячка плялилась именно на Кантора, как будто в зале других мужиков мало! Не видит, что человек на работе? Впрочем, принцесса Люсиль была не одинока в своих стремлениях,— пробежав взглядом по залу, Кантор обнаружил, что на него посматривают с интересом, выходящим за рамки простого любопытства, еще многие дамы. К примеру, королева Лондры (ох не зря его величество упоминал, что его кузина дура набитая), две дочери Лисаветы (якобы порядочные и примерные жены), невестка господина Дорса (умереть можно со смеху), глава лондрийских спецслужб принцесса Элизабет (тоже можно умереть, только с перепугу)... А также четырнадцать незнакомых дам, представительниц аристократии, две журналистки, одна из телохранителей императора Лао и... и... твою мать, личный секретарь

Луи IX, монсир Гоше, падла, гад, извращенец! Кантор, который питал к таким вещам вполне объяснимую ненависть, едва удержался от немедленного мордобоя и, чтобы успокоиться, поискал глазами Ольгу.

Он давно заметил, что ее присутствие действует на него как умеренная доза фанги. То есть слегка расслабляет, немного веселит и вызывает желание. Почему ей вечно кажется, будто она хуже всех выглядит и все только об этом и думают, глядя на нее? Если все время так думать, сутулиться и кукожиться, то можно и в самом деле показаться хуже, чем ты есть. А ведь она не такая, вернее, такая только на людях. Видели бы ее эти люди в моменты страсти, когда она себя не помнит, тогда они не задавались бы глупыми вопросами, что этот чокнутый мистралиец в ней нашел и есть ли у него вообще глаза...

Вот она, голубушка, опять стоит стесняется. Ну зачем с такой завистью пялиться на Эльвиру, так ведь действительно легко расстроиться и пасть духом. Почему не посмотреть на принцессу Элизабет, например? Сразу бы себя красавицей почувствовала. Неудивительно, что Ольга с королем так легко подружилась, вот уж родственные души. Но король в последнее время, похоже, перестал страдать по поводу своей внешности и напрочь забыл, что такие переживания вообще когда-либо имели место. Почему бы Ольге не последовать его примеру?

Сегодня она выглядит изумительно — как все-таки много значат для женщины платье, прическа и правильно подобранный макияж... И мужики на нее заглядываются не подетски, особенно неизбалованные лондрийцы. Жаль, что это официальное мероприятие, а не бал или просто прием, тогда бы они еще и ухаживать начали,— может быть, такое проявление внимания к ее скромной особе пошло бы ей на пользу. С этими высокопоставленными особами разве так себя вести нужно? Тут надо грудь вперед, подбородок вверх и смотреть на всех так, словно они ростом с гномов... ну не на всех, на Элвиса не надо, обидится, а на прочих можно. И тогда уважа-а-ать будут! Ковриками стелиться, в ноги кланяться, каждый взгляд ловить и в рот заглядывать. Познакомить бы ее с мамой, вот у кого ей надо поучиться вести себя в обществе... Только к маме нельзя... Плаксу попросить, что ли, чтоб познакомил?

В это время Ольга, ничего не подозревая о воспитательных рассуждениях своего возлюбленного и не имея даже понятия, что у него вообще есть мама, бродила по залу за Кирой, как

ей и полагалось, и действительно чувствовала себя ужасно. Ей казалось, что все обсуждают только ее и говорят о ней непременно какие-нибудь гадости. Ну какой смысл надевать роскошное платье, если оно смотрится на ней ничуть не лучше, чем то, со шнуровкой спереди, которое ее любимый кабальеро заляпал соусом в первый вечер знакомства? И труды несчастного придворного парикмахера, который сам чуть не поседел, сооружая прическу из ее жалких волосенок, были совершенно напрасны. Да и зачем вообще король приволок ее сюда, неужели в этом такая необходимость?.. Вдруг Ольга спохватилась, ведь он же сказал... Вот курица, сказал же, смотреть внимательно по сторонам и докладывать обо всем, что увидит странного, а она ходит не отрывая глаз от пола!

Девушка тут же подняла голову и принялась честно смотреть по сторонам, выискивая что-нибудь странное и попутно размышляя, что является странным в понимании его величества. По ней, тут вообще все странно, хоть она и успела привыкнуть к этому миру и уже многому не удивлялась. Да хоть дракон сейчас войди в зал, вряд ли это будет странно, разве что... вот разве что... ой...

То, что увидела Ольга, обратив свой взор в сторону какого-то старинного батального полотна, чтобы рассмотреть его получше, мгновенно развеяло все ее сомнения о странностях. У стенки под картиной стоял Толик. Само по себе присутствие Толика где бы то ни было, возможно, и не являлось странным, но этот лопоухий полуэльф был одет в мешковатые, пестрые шорты по колено, длинную футболку с надписью по-русски «Восьмой всеславянский рок-марафон памяти Кангрема» и неизменную кепочку «Радио «Прикол». И НИКТО НА ЭТО НЕ ОБРАЩАЛ ВНИМАНИЯ!

В первую секунду Ольга оторопела. «Если Толик невидимый, то почему не срабатывает та хваленая сигнализация, о которой распинался Флавиус? Не может же быть, чтобы в Лондре этот момент упустили из виду! А если видимый, то почему на него не обращают внимания? Может, опять какая-то марайя, может, он на себя иллюзию нацепил, как тот дракон? А у кого же спросить? — подумала Ольга. Она огляделась по сторонам в поисках мэтра Истрана, но, увидев, как он с прочими придворными магами выходит из зала в боковую дверь, не решилась его догонять. — Королю сказать? А что король в этом понимает? О! Мафей! Вот с ним надо это обговорить — он и разберется, и не получится, будто она Толика ни за что ни

про что застучала, а то даже неудобно... Король ведь, наверное, врагов каких-нибудь имел в виду, а Толик — он же свой... Запахло же так делать...» — пронеслось в голове у девушки.

Ольга решительно развернулась и направилась к Мафею, который как раз вел оживленную беседу с принцессой Жанной. А пока она шла, прикидывая, под каким предлогом его от этой принцессы оттащить, чтобы та не разобиделась, случилось то, чего Ольга боялась с того самого момента, когда ступила на полированный черный мрамор тронного зала. Так всегда и бывает — если чего-то очень боишься, то именно это и случается, как только отвлечешься. Когда она пересекала центр зала, где должно было происходить основное действие, правый каблук скользнул по зеркально гладкому мрамору, нога подвернулась и... Ольга в панике замахала руками, пытаясь как-то удержаться на ногах, но смогла ухватиться за какой-то шлейф, который подвернулся ей под руку. Как оказалось, это был ортанский флаг с золотыми орехами на голубом фоне, который до встречи с летающими дамами спокойно висел себе, никого не трогая, на колонне позади кресла для его величества. На чем он там крепился, Ольга рассмотреть не успела, но держался он явно на соплях — веса падающего тела девушки флаг не выдержал, и она все-таки растянулась на полу, попутно увлекая за собой несчастный элемент дизайна. Поскольку сей геральдический символ был длиной метра три, то он накрыл Ольгу с головой, отчего она моментально представила себя гробиком на похоронах, хозяину которого скоро будут отдаваться воинские почести. Следом за флагом рухнул декоративный абажур от светильника и разбился об голову Ольги, за ним последовал светильник, и в придачу ко всему сверху шлепнулся благоухающий можжевельником веночек, символично завершив последним мазком несравненный шедевр, который иначе как «...ец» назвать было невозможно. Во всяком случае, в первую секунду у Ольги других слов не нашлось.

«Ой, стыдобища! — чуть не заплакала она секунду спустя, мгновенно забыв про Толика и в красках представив себе, как все господа в зале в один момент обернулись на грохот и изрядно развлеклись, созерцая ее сползшие чулки и панталоны цвета молодого салата... Если только все это кружевное исподнее не скрыл упавший государственный флаг... — Ну за что мне все это? Чем я провинилась перед богами, что они меня создали такой коровой?»

Ольга спешно одернула платье и, решившись выглянуть из-за помятого символа державы, увидела вокруг себя человек восемь кавалеров с протянутыми руками. «Ни хрена себе воспитание! Даму накрыло флагом, она сорвала со стены светильник, в конце концов просто растянулась на полу — и даже не улыбнулся ни один, на полном серьезе подбегают, предлагая помощь... Впрочем, это же лондрийцы, у них вообще не принято особо демонстрировать свои чувства, может, в душе они со смеху загибаются, но морду держат кирпичом, как и подобает джентльменам...» — пронеслось в голове Ольги.

— Вы не ушиблись, леди? — вежливо, но без малейшего сочувствия спросил один из господ, пока девушка поднималась. Второй с подобающим поклоном поставил перед ней улетевшую в момент падения туфельку.

— Нет, спасибо... — проямлила Ольга. Это была почти правда — она не ушиблась. Ее ушиб разбившийся абажур. И шишка, наверное, будет. Сейчас шишку не видно под остатками прически, но завтра вылезет во всей красе...

Третий лондриец с некоторой неуместной поспешностью предложил господам проводить даму и пообещал сей же час распорядиться, чтобы флаг, светильник и веночек повесили на место.

— Спасибо, я сама дойду... — Ольга встряхнула ворох ткани, пытаюсь отыскать вторую туфельку, и чуть не упала опять. Из голубых с золотом складок вместе с потерянной туфелькой вывалился какой-то странный предмет, который с первого взгляда показался фрагментом капители пострадавшей колонны. Ольга даже успела было ужаснуться своей разрушительной силе, но в следующий момент рассмотрела пластмассовый корпус, явственно различила кнопки, махонькую, тускло светящуюся панельку... и, миг забыв о только что пережитом позоре, заорала на весь зал:

— Ваше величество! Смотрите, что тут есть!..

Процедура прошла гладко, как планировалось, без сучка без задоринки, к величайшему недовольству знатных семейств Ортана. Даже скандала не случилось, жалость-то какая — Дана вела себя исключительно прилично, Кира улыбалась ей вполне дружелюбно, король раскланивался с коллегой Александром как ни в чем не бывало. Только и событий, что Ольга светильник оборвала, так это разве событие? Знаем мы мраморные лондрийские полы, на них каждый раз какая-нибудь дама падает,

уже всем надоело. Приятно, конечно, что это именно Ольга, хотя этим тоже никого не удивишь, вот если бы королева упала... Но от королевы такого не дождешься, она же не носит высоких каблучков, с которых прочие дамы падают, а в таких сапогах, как у ее величества, упасть сложно... тем более королеве Кире. Это вам не Ольга — она что кошка, из любого положения на лапы приземлится, с семи лет правильно падать тренировалась... Эх, скучно, господа!

Кантору тоже было скучно. После кратковременного замешательства, вызванного Ольгиным падением и воплем, ничего больше не случилось. Королевские разбирательства были стремительны и малопонятны для непосвященного. Странный предмет, выпавший из сорванного со стены светильника, был немедленно выхвачен его величеством чуть ли не из рук принцессы Элизабет и очень быстро исчез в телепорте вместе с мэтром Истраном. Возражения Элвиса запоздали секунд на восемь и были проигнорированы. Мэтр вернулся через пять минут и кратко сообщил, что предмет невзрывоопасен и неядовит. Король удовлетворенно кивнул и усмирил свое любопытство до окончания церемонии. Кантор догадался, что с находкой сейчас разбирается Жак и что по возвращении его величество получит более подробный и точный отчет о свойствах и предназначении предмета. А вот Элвис со своей сестрицей остались в полном неведении и недоумении. Правда, возмущения по поводу наглости кузена Шеллара Элвис так и не высказал,— наверное, счел неуместным возмущаться до выяснения всех обстоятельств. А то вдруг на кузена покушение готовилось, а его службы просмотрели, то-то срамотища получится, если он при этом еще возмущаться будет...

Ничего такого, что могло бы показаться интересным, Кантор так и не услышал, если не считать некоторого количества помоев, вылитого избранными представителями аристократии на своего короля, на его супругу и ее новую придворную даму. Самого Кантора как-то обошли вниманием — боялись, что ли? Или еще не знали, что о нем веселого сказать? Только поглядывали с любопытством, недоумевая, видимо, как и многие другие, что же он в ней нашел... И вспоминали небось расхожее мнение, что для мистралийцев все блондинки красавицы. «Пошли бы вы на ... господа, с вашими рассуждениями. А еще в ... и над-под-через-пополам. Что нашел, то и мое»,— думал Кантор.

Только одна фраза из всего услышанного, брошенная в сердцах герцогом Гирранди, заставила Кантора насторожиться. «Проверяют, проверяют... на подлинность проверяют, на некромантию, на всякую постороннюю магию... И никто до сих пор не додумался на душевное здоровье проверить!» В следующую секунду герцог спохватился, сообразив, что подпал под статью третью, пункт ар, и поспешно огляделся, проверяя, не слышал ли кто. Кантор прикинулся, что не слышал, и чуть ли не впервые согласился с утверждением внутреннего голоса, что стучать, конечно, нехорошо, но это не относится к данному случаю. Это король должен знать обязательно, а то, не ровен час, и в самом деле заварится новая каша. Странно даже, как это до сих пор никто не усомнился в душевном здравии его величества, ведь он всегда отличался нестандартным поведением... Не посмели, так как боялись по старой памяти? Или на комиссию надеялись? Или и в самом деле не додумались?

Стихийных приемов было немного, как бы там мэтр ни расхваливал свою траву, а особого магического эффекта она на Кантора не произвела. Как относятся к своему королю некоторые из знатнейших семейств Органа, он и так знал. Как бесится господин Крош, видно невооруженным глазом, и эмпатические способности тут тоже совершенно излишни. Принцесса Жанна из кожи вон лезет, чтобы добиться внимания Мафея — что тут особенного, тоже все на личике написано, не умеет малышка сдерживать эмоции. Вот только непонятно, из-за чего нервничает принц Пафнутий, ему вроде несвойственно так бурно что-либо переживать. Об этом надо будет сказать королю, если к концу мероприятия не будет поздно. Да, еще надо поинтересоваться, из-за чего такая паника обуяла придворного, который обещал повесить на место оборванные Ольгой украшения. И который потом клятвенно заверял Эливиса, что не имеет понятия, что это такое и как оно тут оказалось, но обещает немедленно разобраться. Значит ли этот панический ужас, что придворный действительно в чем-то виноват? Или просто боится попасть под раздачу, когда его повелитель начнет искать виновных? И вообще, почему невысказанный ужас обуял этого странного лондрийца не тогда, когда упал светильник и поднялся шум, а задолго до того? Если быть совсем точным — в тот момент, когда придворный увидел Кантора. Они что, знакомы? Встречались? При каких обстоятельствах? Как бы то ни было, королю надо обо всем рассказать, ему будет интересно. Надо, товарищ Кантор, надо.

Понятно, что тебе не хочется еще несколько часов под чутким руководством его величества вспоминать физиономию лондрийца и выяснять, где и когда вы могли видаться, а что делать? Это может быть важно.

Мэтр Истран прокашлялся и начал зачитывать официальный протокол, который семь придворных магов должны были теперь подписать.

— Итак, в ходе обследования, проведенного нижеподписавшимися...

Далее шел список «нижеподписавшихся», способный повергнуть в священный трепет любого жителя этого мира, хоть немного знакомого с историей магии. И кто вообще пустил в это избранное общество мерзавку Джоану?

— ...Было убедительно доказано, что обследуемый объект есть действительно король Ортана Шеллар III, что никаким воздействиям темной либо ментальной магии он не подвергался, а также засвидетельствовано его полное телесное и душевное здоровье...

Кантор едва удержался, чтобы не хихикнуть. Да как он мог усомниться в том, что его величество опять поймет всех злопыхателей? И как ему могло прийти в голову, что королю в этом деле нужны советчики? Ну и каким местом теперь поперет герцог Гирранди против консилиума ведущих магов континента?

Когда официальный документ был зачитан и подписан, со своего места поднялся господин Флавиус и скучным, деловым тоном кратко сообщил, что отныне всякие высказывания, противоречащие вышеупомянутому документу, будут рассматриваться как подрывная деятельность со всеми последствиями. Еще веселее. Умеет же его величество затыкать рты родной аристократии, ничего не скажешь. Сидят господа, обтекают. Ничего, им не привыкать. В прошлый раз точно так же обтекали после свадьбы, когда узнали, что король жив и что не посмертно прославляют его все барды королевства. А в позапрошлый — перед свадьбой, когда узнали, кто невеста, и поняли, что под эту кандидатуру не подкопаешься. А до того... да считать устанешь.

На этом церемония была объявлена завершенной, и высокие гости закопошились, намереваясь встать и расползаться по домам, но Элвис остановил всех, поднявшись с трона и вежливо попросив внимания. Копошение немедленно прекратилось, и все с должным почтением приготовились внимать.

— Господа,— возгласил король Лондры,— прежде чем мы удалимся на заседание, прошу всех выслушать заявление, которое намерен сделать его высочество принц Пафнутий, первый наследник престола Поморья.

Вот почему Пафнутий так нервничал, догадался Кантор. Это заявление планировалось с самого начала, и он ждал, когда дадут слово. Что же он такого задумал? Сорвался с места как кузнечик, такое впечатление, что его высочество стремился поскорее покинуть те три ряда королевской ложи, что были заняты делегацией Поморья... Будто его кто-то останавливать пытался! Правда, Лисавета проявила такую сильную тревогу, что Кантор едва с ней справился.

По залу пробежал легкий ропот изумления. Кто бы это не удивился, услышав, что вечно молчащий Пафнутий намеревается говорить, да еще публично и, наверное, несколько больше, чем два слова...

Получилось, конечно, больше, хотя Пафнутий и тут был краток до безобразия.

— Господа,— начал он свое выступление,— я не могу больше молчать о том, что происходит. Поэтому я обращаюсь с официальным заявлением к моему уважаемому отцу, его величеству Зиновию. Отец, вы отлично знаете, что на вашу жизнь готовится покушение, и ничего не предпринимаете, чтобы это предотвратить. Вы также знаете, что в этом намереваются обвинить меня, чтобы посох получила моя сестра, и это также не вызывает никакой реакции с вашей стороны. Что бы ни руководило вами — бессилие, упрямство или, как утверждают злые языки, старческое слабоумие,— я нахожу ваше поведение неумным и опасным. Если вам угодно так безрассудно рисковать своей жизнью, это ваше право, но я отказываюсь играть в эти игры, ибо рискую своим добрым именем. Поэтому я требую здесь, в присутствии Международного Совета и мировой общественности, чтобы вы сегодня же, на предстоящем заседании, передали мне посох. В противном случае я отрекаюсь от права наследования и отправляюсь в добровольное изгнание, как только услышу ваш ответ.

Почтеннейшая публика оторопела от заявления, которое сделал принц Пафнутий, а бедный Кантор потерял дар речи и способность двигаться, задавленный таким количеством чужих эмоций одновременно. Да уж, господа, так желавшие хоть какого-нибудь скандала, должны были остаться довольны, скандал получился что надо. Зиновий орал и лупил посохом

по спинкам впереди стоящих кресел, с которых за секунду до первого удара благоразумно шмыгнули в разные стороны с десяток придворных, привычных к выходкам своего короля. Лисавета визжала как недорезанный поросенок и рвалась вцепиться брату в бороду, ее с трудом удерживали оба зятя. Но больше всех Кантора умилил Шеллар III — он наблюдал все это с полнейшим равнодушием, и по его скучающему лицу никто бы не подумал, что он имеет к происходящему какое-то отношение. Правда, как бы его величество ни отмалчивался, все в зале его хорошо знали и ни минуты не сомневались в том, что он приложил руку к скандалу, если только сам же его и не организовал. В частности, разгневанный Зиновий высказал это прямым текстом, на что Шеллар пожал плечами и ответил, что коллега глубоко ошибается. И вообще, если Пафнутий окончил свою речь, то пора начинать заседание, а то у его величества еще дел полно. С ним немедленно согласились Элвис, Александр и император Лао. Королева Агнесса толкнула в бок засыпающего супруга (и когда он успел наклониться, ведь пришел еще трезвый, а напитков сегодня не подавали), и все правители дружно направились к выходу. Бедному Зиновию ничего не оставалось, как последовать за ними. Кантор заметил, что личные телохранители Элвиса, которые, как и все прочие, проводили своего государя до выхода, не остались у этого самого выхода ждать, а дружно развернулись и возвратились в зал, окружив кольцом Пафнутия, к которому уже присоединились жена и дети. Остальные, в том числе напарники Кантора, подошли каждый к своему придворному магу, чтобы отправляться домой. После совета всех королев прямо из зала заседаний развозили по домам лично придворные маги, так что дальнейшие услуги охраны здесь не требовались. Кантору очень хотелось прямо сейчас подойти к королю и сказать о перепуганном придворном, но мастер щитов дернула его за рукав, и пришлось следовать за напарниками.

— Зиновий, изволь вести себя прилично в моем доме, — потребовал Элвис, перебивая очередное возмущенное высказывание коллеги, — и прекрати оскорблять Шеллара, поскольку подобное поведение недостойно короля.

Шеллар, ничуть не смущенный и не особо похожий на оскорбленного, развалился в кресле, закинув ногу на ногу, и преспокойно принялся набивать свою неизменную трубку.

— Зиновий,— столь же спокойно изрек он,— ты сам виноват. Чего ты добивался? Чтобы тебя все-таки убили?

— Я знаю, что делаю! — продолжал вопить Зиновий, потрясая посохом.— И никакой сопляк не смеет мне мешать, будь он хоть трижды мой сын! А ты...

— Он тоже знает, что делает,— невозмутимо продолжал Шеллар, не обращая внимания на его вопли.— Он взрослый человек и имеет право на собственное мнение. Если у тебя были какие-то конкретные планы, их надлежало скоординировать с Пафнутием, хотя я сомневаюсь, что они у тебя вообще были и что ты действительно знаешь, что делаешь.

— Свои сомнения засунь себе... — в ярости закричал Зиновий, по привычке замахиваясь посохом. Шеллар не шелохнулся, только поднял глаза от трубки и принялся подробно и занудно, со множеством лингвистических терминов, объяснять значение слова «сомнения» и научно обосновывать, почему эти самые сомнения невозможно засунуть в предложенное место, чем несказанно развеселил Александра и Элвиса. Луи в процессе объяснения задремал и от очередного вопля Зиновия подскочил в таком испуге, будто на него опять напали мистральские принцы.

— Довольно, господа,— сказал наконец Элвис, которому это безобразие надоело.— Давайте вести себя подобающим образом и не допускать некорректных высказываний в адрес друг друга. Зиновий, сядь, пожалуйста, и перестань кричать, а тебя, Шеллар, я бы попросил прервать свою познавательную лекцию и все-таки перейти к делу. Как первый вопрос повестки дня предлагаю рассмотреть заявление Пафнутия.

— Возражаю,— прорычал Зиновий.— Это наше внутреннее семейное дело, и нечего вам его обсуждать.

— Позволю себе не согласиться,— возразил Шеллар.— С того самого момента как Пафнутий вынес вопрос на публичное обсуждение, это дело перестало быть семейным и стало делом общим. Ты что же, полагаешь, что переворот в Поморье никоим образом не отразится на международной политике?

— Что, в Поморье переворот? — снова пробудился Луи.— А почему мне не доложили?

Нетерпеливый Александр закатил глаза:

— Ну почему было не позвать Агнессу?

— А что, Агнессы здесь нет? — Луи продолжал медленно приходить в чувство.— Так, значит, можно выпить, пока ее нет...

Элвис брезгливо поджал губы, находя неподобающим вслух высказывать то, что подумал, а Шеллар, не обращая внимания на Луи, продолжил:

— Итак, Зиновий, если у тебя были свои соображения по делу, ты можешь их изложить. И если они лучше того, что придумал Пафнутий, мы как-нибудь уговорим его отказаться от своих намерений и оказать тебе всяческую помощь.

Зиновий мрачно засопел, но никаких соображений излагать не стал.

— Пусть убирается на все четыре стороны вместе со своими кошками. Сам разберусь.

— Значит, посох все же получит Лисавета,— констатировал Элвис.— Нежелательный поворот...

— Вот ей! — Зиновий продемонстрировал обществу фигу — поморский эквивалент двух пальцев.— Ничего у нее не выйдет! Не получит она посоха!

— А кто получит? — невинно поинтересовался Шеллар.— Если Пафнутий откажется от права наследования, его сыновья автоматически тоже теряют это право. Ты полагаешь, что бессмертен? Сколько тебе лет, Зиновий? Даже если тебя не вгонит в гроб родная дочь, это сделает либо банальный сердечный приступ, либо еще более банальная старость, и довольно скоро. И тогда формально будет коронован внук Лисаветы, которому два года, а фактически править будет она. Можешь себе представить, как она развернется, ты ее знаешь куда лучше меня. Конечно, если тебе личные амбиции дороже блага государства...

— Уж кто бы говорил о благе государства! Свадьбу свою вспомни!

— Господа,— снова призвал к порядку Элвис,— не отвлекайтесь от темы. Итак, Зиновий, что ты можешь сообщить с учетом последних высказываний Шеллара? Ты действительно готов оставить страну Лисавете? Ведь Пафнутий не имеет склонности просто так разбрасываться обещаниями, сам ведь знаешь, он человек слова. Обещал, значит, сделает.

— Еще бы,— вполголоса прокомментировал Александр.— Иначе жена из дому выгонит...

Шеллар и Элвис слегка усмехнулись. Супруга Пафнутия, принцесса Глафира, происходила из древнего и знатного рода князей Погуляй-Залесских, родовой девиз которых гласил: «Что князь сказал, то князь сделал». Верность Погуляй-Залесских своему слову, порой доходившая до абсурда, была предметом фамильной гордости, и Глафира неизменно следо-

вала традициям семьи. В частности, история ее отношений с золовкой была широко известна и давно ходила по континенту как анекдот. Примерно на третий день супружеской жизни принцесса Глафира публично заявила: «Еще раз услышу что-то о моем сомнительном девичестве — набью морду». На четвертый день Лисавета вышла к завтраку с фингалом под глазом. Невестка была девица крепкая и размашистая, по семейной традиции Погуляй-Залесских обученная рукопашному бою и стрельбе из лука наравне с братьями. На седьмой день молодая принцесса вновь сделала заявление: «Еще раз на меня рот раскроешь — сломаю что-нибудь». Лисавета опрометчиво раскрыла рот тут же — и потом почти луну ходила с пальцами в лубках. На десятый день злоязыкой золовке было заявлено: «Услышу о себе еще какую-нибудь гадость — убью». С тех пор Лисавета обходила невестку как можно дальше и язык свой благоразумно придерживала. От греха подальше.

— При чем тут Глафира? — возмутился Зиновий. — Пафнутия я сам воспитал человеком слова! Ваши Погуляй-Залесские в подметки не годятся!

— Да не в этом дело, — перебил его Александр. — Ты уж реши что-нибудь, а возмущаться потом будешь.

— Решу, не беспокойтесь, и уж как-нибудь без ваших советов! Сказано — не ваше это дело, и не лезьте! Молоды вы еще советы мне давать! И вообще, если меня уже за короля здесь не считают, заседайте без меня! Больно надо от сопляков оскорбления выслушивать!

Зиновий резко встал, отодвинув пинком кресло, и всерьез вознамерился покинуть зал, но дорогу ему преградил Александр, вскочивший почти одновременно с ним.

— Это кого ты обозвал сопляком? — возмутился король Эгины, привыкший к тому, что он в Совете самый младший — ему только этой зимой исполнилось двадцать три. О том, что теперь младшим является хинский император, Александр постоянно забывал.

— Меня, — невозмутимо вставил Шеллар, любуясь кольцами дыма. — Оставь его, Александр. Пришибешь еще ненароком, а на Пафнутия свалят. Пусть идет, если хочет. Наши придворные маги в зале, они сами организуют переезд Пафнутия.

— Пафнутий никуда не поедет, — жестко бросил Зиновий. — Пока я с ним не поговорю. Наедине.

— Боюсь, что после вашего разговора он вообще никуда не поедет, — криво усмехнулся Элвис.

— А мы завтра узнаем, что во время этого разговора он якобы в гневе проломил тебе голову твоим же посохом,— добавил Шеллар.— Ты разве не понимаешь, что Лисавета со своими друзьями-приятелями переполошились, видя, как их план проваливается? И если вы с Пафнутием явитесь вместе, а потом еще уединитесь для разговора, то дадите злоумышленникам идеальную (и, по их мнению, последнюю) возможность свершить задуманное.

— Не твое дело! У тебя спросить забыли, надо же! — разгневанно прорычал Зиновий, стукнул со злости посохом об пол и покинул зал, невежливо отпихнув Александра и столь же невежливо хлопнув дверью.

— Может, вы зря так на него набросились? — несмело подал голос Факстон, который до сих пор воздерживался от высказываний, так как не вполне понимал, о чем речь.

— Давайте продолжим заседание,— вздохнул Элвис, не отвечая на вопрос.— Зиновия не переделаешь.

— Возможно,— согласился Шеллар.— Однако если Пафнутий согласится вернуться, он сделает большую глупость.

— Не беспокойся,— мрачно сверкнул глазами так и не остывший Александр.— Зиновий попросит его об этом так, что у него не будет возможности согласиться, не теряя лица. Уж дипломатические способности Зиновия ни для кого не являются тайной.

Короли невесело улыбнулись, вспомнив особо выдающиеся проявления упомянутой дипломатии, и перешли к следующему вопросу.

Между тем Кантор, оказавшись в знакомой королевской гостиной, собрался было проводить Ольгу в ее покои, чтобы... ну там раздеться помочь, все такое... сами понимаете, господа, дама расстроена, даме на голову светильник упал, надо же ее как-то утешить... Однако его планы были разрушены самым жестоким образом.

— Его величество велел вам ожидать его здесь,— сообщил придворный маг как само собой разумеющееся и исчез в телепорте, прежде чем Кантор успел что-либо возразить. Ни совести у людей, ни сочувствия!

Ольга бережно подобрала платье и опустилась на ближайший диванчик. Потом, чуть помедлив, сбросила туфельки и забралась на диванчик с ногами. Кантор решительно заткнул противный внутренний голос, который начал нашептывать,

что «сюда в ближайшие час-два никто не войдет, а диванчики весьма удобные и мягкие», и тоже присел напротив.

— Что ж, подождем,— вздохнул он.— Надеюсь, его величество не проболтается там до ночи, а то что-то есть хочется. Ольга, тебе не хочется?

— Обедать? — переспросила Ольга, которая уже успела погрузиться в какие-то невеселые думы.— Ой нет, не хочу.

— Расстроилась?

Вопрос, конечно, звучал глупо, так как ответ был написан на лице несчастной девушки все время, что длилась церемония. Но надо же как-то начать разговор, чтобы потом плавно перейти к утешениям... Нет, не тем, которые имел в виду внутренний голос!

— А ты бы не расстроился? Зачем король велел мне туда явиться? Ничего особенного я там все равно не увидела... Разве что Толика, так и тот куда-то делся, пока я падала. Зато опозорилась на весь континент...

— Толика? — Кантор немедленно вспомнил странное хихиканье, которое постоянно слышалось ему непонятно откуда.— А почему я его не видел? Он заgrimировался под человека?

— Ага, ты что, Толика еще не раскусил? Он принципиально одевается так, как ему хочется. Скорее всего, он был невидимым. Иначе представь, что бы началось в зале, если бы народ увидел оливкового эльфа в шортах и кепочке!

— Невидимый? Он и это может? Он же природник и не должен быть таким грандом в стихиях, да еще в его возрасте. Сигнализацию ставила сама мэтресса Морриган, а чтобы сигнализация не сработала... это я даже не знаю, кто должен быть автором Толиковой невидимости.

— Может, он на самом деле старше? А прикидывается начинающим, чтоб не заподозрили?

— Нет, он, может быть, самую малость старше короля, но не более. Во всяком случае, ему точно нет сорока.

— Тогда не знаю.— Ольга вздохнула и жалобно подняла бровки, смешно оттопырив нижнюю губу.— Но не привиделся же он мне! Я хотела об этом Мафея спросить, но не дошла...

— Думаешь, Мафей его видел? В зале было полно магов покруче Мафея, и никто, кроме тебя, ничего не заметил. А ты королю не сказала?

— Нет. Я как представила себе, что будет, когда я скажу, что видела эльфа в шортах... Не хватало, чтоб король решил, будто мне этой лампочкой последние мозги отшибло!

— Король бы так не подумал! — горячо возразил мистралец, умолчав о том, что король был бы единственным «неподумавшим». — Во всяком случае, сначала бы разобрался. Скажи лучше, что ты постеснялась заложить Толика, это больше похоже на правду.

— А что, по-твоему, надо было? Тем более он все равно пропал.

— Знаешь что, — решил Кантор, вполне понимая ее сомнения, — давай найдем Мафея и потребуем от него подробных объяснений. Мне кажется, он что-то знал. Может, сам этого Толика и притащил туда. Откуда у полуэльфа ориентиры, если он в Лондре не был?

— А как мы его найдем? Нам же нельзя отсюда уходить, мы должны короля ждать.

Кантор рассмеялся. Ну до чего эта девочка наивна в некоторых вопросах! Наверное, есть доля истины в утверждении Гаэтано, что плебейское происхождение никаким образованием не исправить...

— Запросто, — заверил он. После чего поднялся с дивана, выглянул в коридор и приказал первому же пробегавшему мимо слуге немедленно пригласить в гостиную принца Мафея. И как можно скорее, если он не хочет разгневать его величество.

— Теперь они его из-под земли достанут, — удовлетворенно объяснил Кантор, присаживаясь на прежнее место. — Я уже заметил, при дворе Шеллара III слуги приучены выполнять приказания быстро и четко, поскольку с бестолковыми и ленивыми его величество не церемонится. Кстати, прими это к сведению, если он тебе что-нибудь приказывает. Велено докладывать — докладывай и не вдавайся в долгие размышления: а правильно ли я поступаю, а не случится ли чего, а нравственно ли это все... Король тебя, конечно, не выгонит, даже если будет очень недоволен, но его уважение ты потеряешь раз и навсегда.

— Блин... — горестно вздохнула Ольга. — А как же я теперь ему объясню, почему я сразу не доложила?

Кантор минутку подумал.

— Во-первых, не поверила своим глазам, во-вторых, сильно ушиблась, и, в-третьих, когда начался весь этот бардак со светильником, Толик пропал. Заодно расскажешь его величеству, как ты испугалась, что над тобой смеяться будут. Вот-вот,

кстати, прежде чем рассказать, раза три предупреди, что ты не чокнутая, и потребуй обещания не смеяться. А потом будто бы началась церемония, король ушел и занялся делом, а кому, кроме него, доложить, ты не додумалась. Вот и промолчала, боясь доложить не тому, кому надо. Или скажи, что забыла.

— Думаешь, король купится?

— Почему нет? Упасть на ровном месте, что-то забыть, растеряться — это вполне в твоём стиле, он и не удивится. К тому же бардам такие вещи простительны. И не расстраивайся ты так, ну подумаешь, упала! Эти полы в тронном зале Элвиса весь континент матом кроет, знаешь, сколько дам на них ноги поломало! У тебя голова не болит? Не тошнит?

— Да нет, — вздохнула Ольга. — Меня уже спрашивали и кто-то из магов осматривал. Сотрясения нет, только шишка.

— Покажи свою шишку... Полечить, наверное, не получится, что-то Сила опять на дно легла... Ну дай хоть поцелую...

Мафей появился телепортом минут через пять. По его перепуганному лицу было видно, что он опасается рассердить кузена не меньше, чем слуги и придворные. Оглядевшись по сторонам и обнаружив, что короля в гостиной нет, он с недоумением спросил:

— А что, Шеллара здесь нет? Почему мне сказали, что он рассердится, если я не потороплюсь?

— Это он не на тебя рассердится, — пояснил Кантор, — а на слугу, которого за тобой послали.

— Так он здесь был?

— Нет.

— А кто за мной послал?

— Я.

— Так ты обманул?.. — попытался негодовать Мафей, но Кантор тут же перебил его на полуслове:

— Вовсе не обманул. Король действительно рассердился бы.

— Но ведь он даже не знал, что ты кого-то за мной посылал!

— Так я бы ему сказал. Присаживайся, дело есть.

— Диего, а можно потом? — с надеждой попросил Мафей, аж притопывая на месте от нетерпения, так ему хотелось поскорее смыться.

— Потом придет король, и будет поздно. А куда ты так торопишься? Если у тебя в комнате сидит Толик и ждет тебя для какой-то совместной шалости, зови его сюда. И вместе объясните, что этот бесстыжий извращенец делал на церемо-

нии. И почему его никто, кроме Ольги, не видел. Даже сигнализация.

Принц понурился и послушно опустил на краешек кресла.

— Нет у меня Толика,— объяснил он.— Толик с дедушкой и дядей в Белокамне. Я просто боюсь, что он придет и меня не застанет, а хочется же узнать, чем все кончится. Беспокоюсь я за дядю...

— Если твой дядя вместе с дедушкой вернулись в свой замок,— терпеливо разъяснил Кантор,— значит, все в порядке, дедушка согласился.

— В том-то и дело, что нет! Они отправились, чтобы поговорить наедине, а тетя и кузены остались. Значит, дядя с дедушкой будут еще договариваться, и никто не знает, до чего они договорятся! С ними ушел Силантий, Толик тоже увязался за ним, а что было дальше, я не знаю. Мэтр отправил меня домой. Сам с мэтрессой Морриган бегом к ближайшему зеркалу метнулся, а меня — домой... разве так честно?

— В таком случае,— решительно заявил Кантор,— ты будешь сидеть здесь и отсюда ни шагу. А то я тебя знаю — минут пять побеспокоишься, и тебя тут же потянет на эксперименты с зеркалами.

Юный эльф мгновенно покраснел, ясно свидетельствуя, что упомянутые эксперименты уже начал, именно от них его оторвали и именно к ним он с таким нетерпением стремился вернуться.

— Я вижу,— заметил Кантор,— тебе понравилось быть цыпленком. Садись и даже не думай удрать. Рассказывай.

— А что я могу рассказать? — жалобно заныл принц.— Я ведь Толика не видел, как и все. Силантий меня предупредил, что в зале будет Толик, и сам Толик тоже предупредил, чтобы я его ненароком не выдал.

— А как ты мог его ненароком выдать, если ты его даже не видел?

— Все думали, что начнется какая-нибудь заварушка и Толику придется действовать. Чтобы я не помешал или не закричал вслух чего-нибудь лишнего, меня предупредили. Заварушки не случилось, но Толика увидела Ольга...

— А что он там делал? Зачем твоему дяде и мэтру Силантию понадобился Толик?

— Ты же видел, что там было. Дядя боялся каких-нибудь непредвиденных осложнений и попросил Толика его подстраховать. Тайком, чтобы никто не знал...

— А почему на Толика сигнализация не сработала?
— Значит, у него невидимость выше по уровню, чем сигнализация.

— Ты понимаешь, что говоришь? Сигнализацию ставила мэтресса Морриган! Кто должен был в таком случае наложить невидимость на твоего Толика? Сам Светлый Эстелиад?

— Откуда я знаю? Вот у Толика и спросишь. Мало ли у эльфов могущественных магов! Чего вы пристали!

— Это мы пристали? Я посмотрю, как ты все это королю будешь объяснять!

— Как? — ужаснулся Мафей. — Вы скажете Шеллару? А как же...

— Что — как же? Ольга скажет, что видела Толика. Ты что, хочешь, чтобы она обманула его величество? Тебе, может, оно и не впервой любимому кузену фиалки за уши совать, а Ольга даже мысли допустить не может, чтобы лгать королю. Тем более ты сам должен знать, как сложно его обмануть. И чего этот лопухий Толик так тщательно прячется от его величества? Все равно король о нем знает. А рано или поздно и лично познакомится. Если вы так уж решительно намерены были приятеля спрятать, неужели нельзя было как-то учесть, что Ольга его все равно увидит? Вы же все знаете, что Ольга видит невидимое.

— Мы с Толиком не думали, что она его увидит. Я же говорил, заклинание было запредельного уровня!

— Маги недоученные! — возмутился Кантор. — Сами не знаете, так у наставника бы спросили, что такое абсолютный иммунитет к определенному виду магии!

— Мы с Силантием советовались...

— Нашел с кем советоваться! С Силантием из школы Змеиного Глаза, который о стихиях знает только необходимый минимум второстепенного курса! У мэтра Истрана надо было спросить! Или у того суперкрутого эльфа! И что теперь делать будем?

— Я не знаю...

— Невероятно полезный совет! — съязвил Кантор. — А ничего более конструктивного тебе в голову не приходит?

Мафей подумал и выдал «более конструктивный» вариант:

— Я у мэтра Истрана спрошу...

Кантор только плюнул в сердцах.

ГЛАВА 2

У нас с отцом никогда не было особенно близких отношений.

Р. Желязны

Король Поморья и его старший сын молча сидели за тяжелым дубовым столом в королевском кабинете и выжидающе смотрели друг другу в глаза. Между ними важно расхаживал крупный черный ворон с золотыми колечками на лапках и что-то пристально высматривал на поверхности стола, то одним глазом, то другим, смешно склоняя голову набок.

— Будет в гляделки-то играть,— сказал наконец Зиновий, понимая, что безмолвный отпрыск вряд ли заговорит первым.— Набрался смелости перечить отцу, так иди до конца. Нечего отмалчиваться.

Пафнутий пожал плечами:

— Я все сказал. И по-прежнему жду ответа.

— Он все сказал! — передразнил наследника его величество.— Строптивный мальчишка! Выдрать бы тебя как следует, чтоб не лез куда не просят! Чего молчишь, я что, сам с собой разговариваю?

— Если вы хотели только высказать свое недовольство,— неохотно отозвался наследник,— то я уйду. Я и так знаю, что вы недовольны.

Зиновий погладил птицу и вдруг хитро усмехнулся. Черные глазки-бусинки под седыми бровями слегка прищурились, отчего его величество стал похож на вредливую мышь, вплотную подобравшуюся к сыру.

— Дерзишь, Пафнутий. Раньше ты себе такого не позволял.

— Надоело,— кратко объяснил Панфутий.

— Лучше бы тебе молчать надоело! Опозорил отца перед всем миром, а теперь молчит! То ли отвага кончилась, то ли без Шеллара не сообразишь, что сказать!

— Мне нечего сказать. Извиняться не стану. Слов обратно не возьму. Добавить к сказанному ничего не желаю. Все.

— Не желаешь, вот как. Что ж, упрям ты был всегда. А вот смелости тебе не хватает. Вон даже сейчас в меч вцепился — боишься, значит. И какой из тебя, такого труса, король?

— Вы полагаете, нам здесь нечего опасаться? Я все больше сомневаюсь в вашем душевном здравии.

— А есть чего?

— Вы сами не догадываетесь, что будет, если мы не уйдем?
— Хочешь опять отца дураком выставить? Я не догадываюсь, я знаю. Придут меня убивать. Этого ты боишься?

— А не надо?

— Так меня же убивать придут, не тебя, — откровенно насмехаясь, хихикнул Зиновий. — Сядь, поганец, нечего тут обиженную физиономию делать. Ты меня сегодня тоже обидел, так что терпи теперь. И послушай, сын мой, что я скажу. Никогда не задумывался, почему в свои сорок лет ты до сих пор не король? Молчишь, понятное дело, я по глазам должен догадываться, о чем думает мой сын. К собственным дурацким привычкам уважения больше, чем к родному отцу. Так вот, ты думаешь, что я жаден до власти и не желаю ее никому уступать, пока жив. А когда я говорю, что мой сын не готов принять посох, ты в это не веришь и считаешь, что я просто оправдываю свою жадность. А на самом деле, Пафнутий, ты действительно не готов. Ты трус и всегда был трусом... И не смотри на меня так. Ты ни разу не попытался изменить мое мнение о тебе. Ты уходишь в сторону при любом конфликте, ты даже мнение свое всегда держишь при себе. Отмолчаться, уклониться, отступить — вот твоя жизнь. Ни разу ты не принял бой, ни разу даже попытки не сделал отстоять свою правоту, хотя чаще бывал прав, чем наоборот.

— Доказывать что-то тебе? — с отвращением поморщился Пафнутий. — Или Лисавете? Это не страшно. Это противно.

— Ну-ну, дальше? Всего полчаса назад ты был разговорчивее. Мне даже показалось, что его высочество наконец набрался смелости и сможет доказать, что достоин посоха, а ты опять молчишь.

— Я буду вести себя так, как считаю нужным, — резко бросил принц и встал, спугнув ворона. — По-твоему, мужество состоит в том, чтобы по любому поводу закатывать скандалы и истерики? Тогда отдай посох Лисавете, и прощай. Уж она точно его достойна.

— Сядь! — прикрикнул король. Пафнутий продолжал стоять. — Сядь, кому говорю!

Наследник, по-прежнему молча, отошел к окну и демонстративно отвернулся.

— Вот так всегда! — со вздохом развел руками Зиновий. — Ты можешь послушаться или не послушаться, но в любом случае ни слова возражения. Тютя ты, Пафнутий, что тебе еще сказать. А еще в короли метишь. Сядь.

— Слова пусты,— упрямо ответил Пафнутий, не оборачиваясь.— А доказывать очевидное глупо. Особенно когда тебя не слышат.

Зиновий снова вздохнул, посмотрел на птицу и хлопнул себя по плечу:

— Иди сюда, Берендей. Хоть ты меня понимаешь, раз уж с детьми так не повезло. Птица и кошка никогда не договорятся, как ни пытайся. Одно утешение — когда-нибудь и мы посмеемся, наблюдая, как кошка пытается договориться с собакой и не сможет понять, отчего разговор не ладится...

Старый король, кряхтя, выбрался из кресла, положил посох поперек стола и подошел к окну, у которого продолжал стоять его строптивый сын.

— Вот что я тебе скажу, Пафнутий,— проворчал он, распахивая створки.— Коли ты хоть раз в жизни набрался смелости мне возражать, может, еще не все потеряно. Вот тебе последняя возможность доказать, что ты не трус. Сможешь проявить себя — отдам посох. Может, как-нибудь справишься с этой сворой бездельников — нашими придворными. Солнце их знает, может, это и молча как-то можно уладить... Вот он, посох, на столе, можешь взять себе, если сумеешь управиться хотя бы с теми, кто сейчас сюда придет. Сам заварил кашу, сам и расхлебывай. А я пойду прогуляюсь, давно мы с Берендеем ворон не гоняли...

И, подобрав свой долгополый кафтан, Зиновий принялся перелезать через подоконник.

— Отец,— негромко окликнул его Пафнутий.

— Что тебе еще?

— Тридцать локтей до земли.

— Твое это дело сопливое, сколько до земли? Жену свою учить будешь! Я сорок лет в это окно на прогулку хожу! — сварливо отозвался Зиновий и, заметив в глазах сына невысказанное изумление, снисходительно усмехнулся.— А ты что, дурень, думал, ты один такой? Вся семья у нас такая. В каждом поколении кто-то один. Ты к Кондратьевым байстрюкам присмотришься, как подрастут, мало ли...

Пафнутий улыбнулся и задумчиво погладил меч.

— Опять боишься? — насмешливо поинтересовался отец.

— Думаю,— отрицательно качнул головой Пафнутий.

— О чем?

— Оружием или так?

— А какая разница?

— Ты прав. Если дойдет до драки, все равно всех придется убить.

Зиновий одобрительно кивнул, посмотрел на солнце и, раскинув руки, похожие на крылья из-за широких свисающих рукавов, шагнул с подоконника. Пафнутий снова улыбнулся и посмотрел в окно. Два ворона взмыли над деревьями старого парка и куда-то полетели,— видимо, гонять ворон, как и было обещано.

— Ты что, правда не знал? — раздался где-то рядом знакомый насмешливый голос.

Пафнутий отрицательно покачал головой и сел за стол, положив меч на колени.

— А твои дети знают?

Пафнутий покачал головой повторно и задал встречный вопрос:

— Ты откуда знаешь?

— Да я такие вещи просто вижу. Но твой старик меня приколот.

— Чем?

— Рассуждениями про птицу, кошку и собаку. А чего он тебя дразнил насчет меча? Ты правда, когда боишься, за меч хватаешься?

— Да.

— Почему?

— Чтобы остаться человеком. Страх — провоцирует. Оружие — сдерживает.

— А по желанию ты не можешь?

— Нет. Помолчи.

— Постараюсь,— хихикнул голос.— Тебе помочь или сам справишься?

Пафнутий молча пожал плечами.

— Твоя разговорчивость меня умиляет. Ладно, молчу, молчу.

Ждать пришлось недолго. Всего через несколько минут послышались шаги в коридоре, затем дверь быстро и почти бесшумно открылась, впустив в кабинет четырех человек. Еще некоторое количество осталось за дверью,— видимо, капитан Полянский привел с собой и подчиненных. Вошедшие выглядели деловито и сосредоточенно, хотя старший зять и младший сват Лисаветы держались слегка неестественно. Буквально через секунду их деловитость куда-то исчезла, и они растерянно остановились, не зная, что делать дальше. Капитан, с откровенным недоумением оглядев комнату, пожал плечами:

— Простите, ваше высочество, но, как мне кажется, вы изволите ошибаться. Его величества здесь нет, следовательно, вряд ли ему что-то угрожает. Я полагаю, нам надлежит извиниться за недоразумение и удалиться.

Пафнутий одарил гостей вопросительным взором, как бы интересуясь, в чем, собственно, дело.

— Где король? — опомнился князь Горайский, старший зять Лисаветы.

— Вернулся в Лондру, — последовал закономерный ответ. — Извольте выйти вон, господа, это королевский кабинет, а не кабак.

— Сию минуту, — поклонился капитан. — Прошу нас извинить, видимо, произошла какая-то ошибка.

Младший сват, князь Поземский, откровенно замялся, и Горайский втихомолку ткнул его локтем, указывая взглядом на дверь. Мужчины поклонились, желая выказать извинения и уйти, но тут раскрыла рот принцесса Лисавета. Видимо, до нее не дошло, что соратники избрали лучший выход из положения.

— Я уверена, — предположила она, — он его уже убил и выбросил в окно.

— Если он выбросил его в окно, — терпеливо пояснил капитан, взглядом давая понять принцу, как его достала эта навязчивая дура со своими идиотскими подозрениями, — то его величество, несомненно, должен лежать внизу. Мы сей же час спустимся и проверим, не лежит ли он и в самом деле там. Пойдемте же, господа.

— А если он спрятал тело где-то в другом месте? Если они сговорились с придворным магом, разве вы не знаете, что это за разбойник? Убили, а тело телепортом унесли! Драконам скормили! Если мы его не найдем теперь, то не найдем никогда...

— Матушка Лисавета, — вмешался зять, видя, что целеустремленная теща вот-вот подведет всех под большущие неприятности, — если вы сомневаетесь в словах уважаемого дядюшки, то самым лучшим выходом будет их проверить, не совершая опрометчивых глупостей. Сейчас мы все вместе покинем это помещение и все проверим. Или вам хочется, чтобы его величество над нами потом смеялся?

— А то и заподозрил в чем... — добавил сват, нервно оглядываясь. — Только сегодня его высочество высказывал предположения, будто супротив его величества злоумышляют. А если его величество в гневе, как это с ним бывает, то не

поверит, что мы о нем беспокоились, а решит, будто мы и есть злоумышленники.

— Значит, мы пойдем выяснять,— закипятилась Лисавета,— а братец тем временем удержит?

— Я оставлю своих людей под дверью,— пообещал капитан. Похоже, он готов был и голову оставить, лишь бы отвязаться от ее высочества.

Пафнутий молчал. Действительно, господа, зачем тратить лишние слова, если разговор превосходно ведется и без вашего участия?

— А если телепортом удержит? — не унималась принцесса, не желая признать поражение и отступить, пока еще не поздно.— Я же говорила, они с придворным магом...

Свою глубокую мысль она не закончила, так как на стол неизвестно откуда запрыгнула огромная лягушка размером с доброго кота. Видимо, Голик заскучал в своем углу. Лисавета, которая до смерти боялась лягушек, истошно завизжала и бросилась вон из комнаты, к величайшему облегчению соратников.

— Извините, мэтр Силантий,— куда-то в пространство покаялся зять, уверенный, что автором лягушки является не кто иной, как придворный маг,— матушка в последнее время что-то не в себе...

— У нее, похоже, климакс тяжело протекает,— проворчал капитан и на всякий случай еще раз поклонился.— Теперь надо мной весь полк смеяться будет, еще и прозвище какое-нибудь развеселое придумают... Господа гусары на такие вещи мастера...

Пафнутий молча усмехнулся вслед удаляющимся господам и отпустил рукоять меча, за которую все это время держался под столом.

— Получается, я тебе и не понадобился.— Послышался тихий смехок из дальнего угла.

— Лягушка — это шедевр,— сообщил Панфутий вместо ответа.

— А что, догонять мы их не будем?

— Зачем?

— А старик твой не заругается, что ты их отпустил?

Пафнутий в который раз пожал плечами, давая понять, что мнение отца по поводу происшедшего его мало волнует. Затем подошел к окну, полюбовался видом зеленеющего парка

и задумался, как же теперь вернуть драгоценного родителя с прогулки.

Как и предполагал Кантор, его величество где-то пропал до самого ужина, а они с Ольгой все это время просидели в гостиной. Хорошо хоть, приходила Кира и пригласила их пообедать, а то бы еще и голодными остались. А его величество, разумеется, о такой мелочи, как обед, и не вспомнил. Обед... фи, какие низменные вопросы! У его величества тут дела государственной важности, не до обедов его величества!

Почувствовать его состояние Кантор не смог из-за амулета, который Шеллар III никогда не снимал, но на глаз определил, что короля, во-первых, достали до самых печенок, во-вторых, он все же удовлетворен результатом и, в-третьих, ему не терпится что-то спросить. Никаких намеков на обед, не говоря уже об ужине. Кантор не удержался от маленькой пакости и с живейшим участием поинтересовался, пообедал ли его величество.

Король отмахнулся от глупого вопроса, с размаху плюнулся в кресло и первым делом добыл из карманов трубку, табак и спички.

— Я надеюсь, что Кира вас покормила, — сказал он и вытряхнул из кисета последние остатки табака.

— Конечно, — тут же заверила его Ольга. — Мы пообедали, не беспокойтесь.

— Я так и предполагал, — удовлетворенно кивнул король, который, похоже, и не собирался беспокоиться.

— А вы случайно не предполагали вернуться раньше? — опять не удержался раздосадованный Кантор.

— Разумеется, предполагал. Я же не думал, что Зиновий такое безобразие устроит...

— Какое? — тут же любопытствовал Кантор, которому было интересно, чем завершился ультиматум Пафнутия.

— Да как обычно, ты что, Зиновия не знаешь? Он все-таки согласился на отставку, но перед этим попортил крови всем, кто оказался поблизости. Пафнутия посохом огрел, мне рассказал, кто я есть на самом деле... остальным тоже досталось. Император Лао был шокирован и теперь, наверное, думает, что поморцы — дикие, некультурные варвары. Но ты меня отвлек, погоди немного. Где этот Жак, вечно он опаздывает! Пока его нет, докладывай.

Кантор честно доложил все, что считал достойным внимания. Его величество, как и ожидалось, заинтересовался личностью перепуганного лондонского придворного и доставал бы Кантора своими уточняющими вопросами еще часа два, но это издевательство прервал Жак, появившийся телепортом в сопровождении одного из младших придворных магов.

— Вызывали, ваше величество? Приветствую всех.

— Садись. — Король кивком указал на ближайшее кресло. Маг немедленно удалился, а его величество продолжил, одарив своего шута укоризненным взглядом: — Почему так долго?

— Я спал, — пояснил Жак. — Мне надо было встать, умыться, одеться...

— Похмелиться, — добавил король.

— Неправда, что вы из меня алкаша делаете. Я просто спал.

— Днем?

— Ну и что, если мне хотелось.

— То есть, получив от своего короля важное и срочное задание, ты, вместо того чтобы заняться порученным тебе делом, завалился спать?

— Да нет, — засмеялся Жак. — На самом деле ваше суперважное поручение тянет минут на пять, а вы его позабыли на полдня. Вот я и решил поспать, пока вы о нем не вспомните.

— Так ты разобрался? — Его величество заинтересованно потянулся к тому самому предмету, который так ловко и нахально умыкнул из-под носа принцессы Элизабет.

— А что тут разбираться, обычный голопроектор, притом дешевый и маломощный. Еще могу сказать точно — эти штуки не взрываются и никакой другой опасности для человека не представляют. А где вы его взяли? Опять Мафей взялся за старое? Я уж думал, он повзрослел наконец и здоровый регулярный секс отвратит его от детских глупостей...

— Я хотел бы, — прервал его рассуждения король, — чтобы ты объяснил мне, что это такое и для чего предназначено. Тебе разве не рассказали о происхождении этого предмета?

— Нет, а что?

— Он был помещен над моей головой. И если он, как ты уверяешь, неопасен, то мне хотелось бы знать, для чего в таком случае этот... голопроектор был вставлен в абажур вместо осветительного шара. Не случайно же он там оказался. Итак, для чего предназначены подобные вещи?

— Да ни для чего... — Жак слегка растерялся. — Для развлечения. Создавать объемные изображения...

— Это вроде как видик? — заинтересовалась Ольга. — Кино показывать?

— Кино? Да нет, кино плоское, а это объемное... Ну ты что, не знаешь, что такое голопроектор? Их еще не было в ваше время?

— Не было.

— А кино-то хоть цветное было?

— Было.

— Жак, — перебил король, — последний вопрос является уже праздным любопытством. Давай о деле. Итак, этот механизм предназначен для создания объемных изображений? Где именно должно находиться изображение?

— Ну откуда я знаю где... Как его настроить...

— В данном случае как он настроен? Можем ли мы посмотреть его в действии?

— Ну вы любопытный, ваше величество! Так вам интересно, что на кубике записано? А вдруг там порнуха, а вы ее при Ольге посмотрите? Потом краснеть будете...

— Жак, перестань паясничать! Это серьезно! К твоему сведению, я уже понял, какого рода изображение мы сейчас увидим, и могу поспорить, это будет вовсе не то, что ты предположил. Но все же хотелось бы убедиться.

Жак вздохнул.

— На какой высоте эта фигня висела?

— Немного выше моего роста. А это имеет значение?

— Имеет. Значит, надо примерно... Кантор, а залезь-ка на стол и подними эту штучку...

— Не надо, — перебил король. — Или уронит, или в дырку провалится. Я сам подержу, к тому же мне для этого нет необходимости топтаться ногами по уникальной мебели.

— Ну держите. — Жак протянул его величеству голопроектор. — Поднимите над головой и нажмите вот эту кнопочку... Нет, не так, это будет вверх ногами! Блестящей стороной от себя поверните.

— Ах, извини. Ты сказал, эту кнопочку?

В нескольких локтях от короля воздух стал уплотняться, образуя не то дым, не то туман красновато-коричневого цвета. Кантору даже показалось, что эта странная дымка светится. А спустя миг в сумрачной подсветке выпрямилась зловещая черная фигура. Рогатый демон с багровыми глазами и несуразно огромными клыками, одетый в столь же несуразные доспехи и черный плащ. Призрак протянул когтистую руку,

указывая корявым пальцем точно на его величество, и проревел загробным голосом:

— Его душа принадлежит мне!

— Это моя, что ли? — прокомментировал король, не высказав никаких протестов по поводу услышанного. — Ясно. Так я и думал. Как его выключить? Жак, прекрати идиотский смех! Или же изволь объяснить, что смешного ты узрел в этой отвратительной провокации!

Жак хохотал. Он заливался смехом, задышался, тихо по-визгивал и хлопал себя по коленкам от полноты чувств. Вот и пойми их, этих переселенцев... Кантор никогда не считал себя трусом и на самом деле таковым не являлся, но при виде этого демона едва удержался, чтобы не начать палить в него прямо в королевской гостиной. Если честно, удержало его лишь отсутствие аналогичной реакции со стороны остальных присутствующих. В бесстрашии короля и Ольги Кантор не сомневался, но то, что всеми признанный трус Жак не испугался ни капельки, а чуть не помер со смеху, ввергло отважного стрелка в некоторую растерянность.

— Хватит ржать, — с упреком заметила Ольга. — Лучше бы объяснил, чтоб и люди посмеялись.

— Это же Панмурин, — простонал Жак, утирая слезы. — Дурацкий персонаж из компьютерной игры... Какой идиот додумался... ой нет, господа, я помру сейчас...

— Жак, — мрачно заметил король, аккуратно возлагая на стол несостоявшуюся провокацию, — а теперь представь себе, что эта образина возникла среди зала на глазах всех присутствующих как раз в тот момент, когда Морриган пыталась доказать, что на мне нет темного колдовства. Представь — и тебе сразу станет не смешно. Кажется, я должен выразить свою сердечную благодарность нашей верной и бесценной подданной, которая умеет так замечательно и полезно падать на ровном месте.

— Вот видишь, — хихикнул Жак, — ты опять спасла королевство. Тебе еще одну почетную грамоту дадут. С портретом короля. И как это ты так здорово упала?

— Отвяжись, — мигом помрачнела Ольга. — Мало того что меня придворные дамы засмеют, так и ты туда же!

— Не посмеют! — заверил ее Жак. — Побоятся! А если окажется, что ты опять спасла королевство, они вообще себе последние волосенки вырвут от огорчения. Кстати, тут народ делает ставки, как скоро королева застукает тебя в постели с

королем, — не желаешь сделать выгодный вклад? На «никогда» ставят мало, у тебя есть шанс выиграть кучу денег.

— Жак, у меня нет времени на твои похабные шуточки, — оборвал его король. — Я не дослушал доклад Кантора, поэтому посидите с Ольгой здесь и подождите.

— Потом вы послушаете доклад Ольги, — продолжил за него Жак. — А ближе к ночи дойдет очередь и до меня. Может, я лучше пойду досплю?

— А я буду еще час ждать, пока ты умоешься? Нет уж, сиди и жди. Я тут король или хрен собачий, что ты вечно пытаешься оспорить мои приказы?

Жак немедленно заткнулся. А Кантор покорно поплелся в кабинет, мысленно вопрошая небо, за что ж ему все это. Неужели злодейке судьбе показалось, что он чего-то недополучил от любознательных голдианцев?

Как он и ожидал, король вцепился в загадочную персону перепуганного лондрийца и первым делом выдавил из Кантора подробное описание объекта и список действий, в коих объект был замечен. Как оказалось, все это лишь ради установления личности загадочного труса — как только Кантор упомянул, что этот самый придворный обещал своему королю разобраться самолично, Шеллар III возрадовался и объявил, что господина этого знает. Кипучая деятельность его величества тут же изменила направление — Кантор был на пять минут забыт, зато из приемной был призван Жак. За пять минут король быстро начертил коротенькое письмецо, одновременно излагая Жаку инструкции: распинать дежурного телепортиста, немедленно мчаться в Лондру и лично кузену Элвису сие послание вручить. После чего дожидаться ответа и немедленно тащить домой и сам ответ, и все, что Элвис изволит к нему приложить, включая лично лорда Сильверстоуна. Это, как добавил его величество, запечатывая конверт, дабы Жаку королевская служба не казалась скучной. И чтобы Жак расстался с иллюзиями, будто работа — это место, где спят.

Затем Шеллар снова взялся за Кантора.

Последующие часа полтора прошли в тщетных попытках доказать упрямому королю, что лорда Сильверстоуна он не встречал ни в этой жизни, ни в прошлой, и вообще впервые слышит это имя. Также Кантор тщетно надеялся, на то, что сейчас Жак приведет этого придурка и король расспросит его самого, чем его так напугал товарищ Кантор.

Жак вернулся один. Молча, чтобы не раздражать короля лишний раз и не нарываться на дополнительный кусок работы, протянул ответ Элвиса и тихонько присел рядом с Кантором.

Быстро пробежав глазами ответ, его величество бросил письмо на стол и в сотый раз повторил свой вопрос:

— Кантор, напряги память получше, это очень важно. Где ты мог видеть этого господина? Не можешь вспомнить, где видел, попробуй вспомнить голос. Повторяю, это не просто важно, это жизненно важно.

Кантор в ужасе от мысли, что сейчас весь процесс пойдет по второму кругу, возмущенно воскликнул:

— Да почему вы решили, что я непременно должен его знать? Может, он где-то обо мне слышал! А может, он вообще ошибся, может, я только похож на кого-то, кого он знал! Может, ему вообще все мистралийцы на одно лицо!

Король замер, не донеся трубку до рта, и на его лице промелькнула тень озарения. Жестом приказав всем молчать, он нашарил на столе письмо лондрийского кузена и еще раз пробежал глазами. Медленно отложил трубку и застыл, уставившись отсутствующим взглядом куда-то поверх шкафа. Жак и Кантор переглянулись, но сказать что-то не вовремя и сбить короля с мысли поостереглись — а вдруг мысль окажется особо ценная...

Судя по тому с какой скоростью Шеллар III сорвался с места, ему действительно пришло в голову что-то выдающееся. И эта замечательная мысль, похоже, не сулила ничего хорошего загадочным врагам его величества. Кантор хорошо помнил, что означает внезапный ледяной блеск в глазах короля и жесткая, безжалостная решимость в его голосе.

— Кантор, до моего возвращения вы с Ольгой свободны, сидите у нее и вместе ждите, чтобы я потом не искал вас по всему дворцу,— приказал король таким тоном, будто и в самом деле намеревался лично бегать по дворцу в поисках Кантора.— Жак, немедленно найди мэтра Истрана и срочно зови сюда. Очень быстро. Ты едешь со мной.

— Куда? — поинтересовался Кантор, провожая взглядом шута, который рванул в указанном направлении без всяких уточнений и лишних вопросов. Король поднял глаза от бумаги, на которой уже принялся торопливо что-то черкать, и холодно осведомился, почему Кантор до сих пор здесь.

«О, это серьезно...» — подумал Кантор и поспешил последовать примеру благоразумного шута. По крайней мере, теперь

можно наконец спокойно уединиться и отдохнуть. Судя по размаху королевских мероприятий, Ольга понадобится его величеству не скоро.

С тех пор как его величество научился гневаться, все окружающие стали прилагать максимум усилий, чтобы впредь не доводить его до такого состояния. Однако порой обстоятельства от подданных не зависели, и рано или поздно король все равно должен был разгневаться. На счастье придворных, в тот момент когда Шеллар был во гневе, никого из них поблизости не оказалось, и под раздачу попал верный Жак, то есть единственный из подданных, у кого хватило наглости заявить своему повелителю прямо в глаза:

— Ваше величество, сто раз уже видел вас в плохом настроении, но таким противным вы еще ни разу не были! А если вас королева таким увидит, представьте себе, что она о вас подумает?

В ответ на сию непочтительную речь его величество рявкнул на шуту печально известным «королевским рыком», после чего приказал сесть, заткнуться и молчать. Жак немедленно выразил готовность слушать и повиноваться, после чего нагло улегся на диван, свернулся клубочком и закрыл глаза. Король онемел от возмущения.

— Ты что, пьян? — спросил он, с трудом найдя слова.

— Ничуть, — отозвался Жак. — Просто, когда я сплю, я особенно молчалив. И никому не мешаю.

Король сердито проворчал, что пришибет паршивца, если тот вздумает храпеть, и замолчал. Подглядывать Жак не рискнул, тем более он и так прекрасно знал, что сейчас сделает его величество. Шеллар закурит, упрет подбородок в кулаки, как обычно, и надолго задумается, попыхивая трубкой, мрачно глядя перед собой. Так он будет сидеть долго-долго, прерываясь только на то, чтобы выбить трубку и набить ее заново, пока не успокоится. Или пока ему что-нибудь в голову не стукнет.

На этот раз Жак едва успел задремать, как его величеству что-то стукнуло в голову. Если он, конечно, размышлял о деле, а может быть, он все-таки устыдился, обдумывая свое поведение. В любом случае гневаться его величество перестал и мрачно позвал:

— Жак!

— Да? — откликнулся шут, не двигаясь с места.

— Брось дурака валять, иди сюда,— ворчливо скомандовал король.— Можно подумать, ты трое суток не спал!

— Ну трое не трое... — Жак сполз с дивана и перебрался в одно из кресел поближе к столу.— Но в последнее время я вообще что-то плохо сплю. Чего вы так разозлились-то? Что не нашли комнату? А может, ее там и не было?

— Должна была быть! Ладно, Элизабет обещала найти план дома и исследовать методично и кропотливо, подключив к делу специалистов. Пусть исследует. Я в архитектуре несилен, просто знаю, что потайная комната должна быть!

— И что вы хотели в ней найти? Что там, по-вашему, должно находиться?

— Т-кабина,— проворчал король.— Трижды долбанная Т-кабина, через которую дал деру хитрожопый лорд Сильверстоун! Которого кузен Элвис так неосмотрительно выпустил из дворца, полагая, будто тот и в самом деле отправится искать бригаду декораторов и разбираться!

— Ваше величество! — напомнил Жак.— А можно по порядку? Я ничего не понял. С чего вы решили?

Король со вздохом откинулся на спинку кресла:

— Да тут ничего сложного. Когда Кантор предположил, что лондонский придворный принял его за кого-то похожего, тут меня и осенило. Я попытался прикинуть, на кого он может быть похож, и тут же вспомнил. Это говорят все, кто знал мэтра Максимилиано, и я тоже готов подтвердить, ибо лично встречался с этим человеком. Кантор похож на отца. Выглядит он немного старше своих лет, а мэтр, как и все маги, скорей всего, выглядит моложе. И если предположить, что лорд Сильверстоун действительно ошибся, приняв Кантора за уважаемого мэтра, то возникают следующие вопросы: почему он испугался? Какие у него причины бояться этого человека? Они встречались прежде? Или же они видятся сейчас? Я отправил тебя к Элвису с письмом, в котором просил прислать ко мне Сильверстоуна, либо, если это невозможно, любую информацию о нем. И Элвис прислал. Очень занимательная информация. Человек без прошлого, внезапно откуда-то возникший бастард старого лорда. Со странностями, но в целом весьма приличный молодой человек. Ни в чем порочащем замечен не был до сегодняшнего дня. Он, если ты не в курсе, отвечал за оформление зала. На настоящий момент исчез бесследно. В сопровождении группы сотрудников службы безопасности он отправился разыскивать рабочих, которые укра-

шали зал, якобы затем, чтобы всех их передать в руки правосудия и всеми силами помочь в розыске виновного. Зашел домой за списком имен и адресов — и загадочным образом пропал из собственной спальни. Притом что под дверью его ждали, а за окнами наблюдали снаружи. Какой напрашивается вывод? Агенту Сильверстоуну, или как там его на самом деле, показалось, что он видит в зале своего начальника. Возможно, провокация была организована без ведома этого самого начальника, а возможно, парень его боится, как Акрилла меня. В любом случае он должен был, присмотревшись, понять свою ошибку и перестать бояться, но почему-то не перестал. Значит, ему было чего опасаться. Выходит, что он виноват. И более того, он практически провален. Поэтому он под первым же правдоподобным предлогом бежит домой и эвакуируется, как сделал бы любой нормальный агент на его месте. Вот такая вырисовывается неприглядная ситуация. Твои друзья из агентства «Дельта» нам вовсе не друзья, и напрасно ты им так доверяешь. Можешь, конечно, сомневаться, но против фактов не попрешь. Сей предмет,— король кивнул на проектор, все еще валявшийся на столе,— уж точно не графиня Монкар мне подсунула. И недовольные подданные Элвиса здесь тоже ни при чем.

— Я ничего не понимаю... — жалобно запричитал Жак.— Зачем?

— Чтобы ответить на этот вопрос, мне не хватает информации,— серьезно пояснил король.— Причин может быть бесконечное множество. Спроси у них, если хватит смелости. Но я бы тебе советовал больше туда не ходить. У тебя и так хватает неприятностей.

— То есть?

— Забыл, почему ты так плохо спишь? Или тебе непонятно, кто любезно предоставил господину Дорсу информацию о тебе, а возможно, и сам детонатор презентовал? Нет, можно, конечно, предположить, будто на почтенного магната снизошло озарение и он мистическим путем познал неведомое, но я все же материалист и предпочитаю более рациональные объяснения непонятным явлениям. Твои друзья тебя хорошенько подставили, вот что кажется мне более вероятным.

— Постойте, а как же... Они же...

— Ты хочешь напомнить мне о свадьбе, но боишься показаться бестактным? — мгновенно догадался король.— Позволь напомнить, что противоядие тебе никто добровольно не давал.

Ты его украл, если только не собираешься сейчас изменить показания. Нет? Так вот, дорогой друг, ты не знаешь, как бы все сложилось, будь эти таинственные господа дома? Позволили бы они тебе спасти меня или же послали бы куда подальше, а то и прихлопнули бы на месте, чтоб меньше знал? А так они оказались перед фактом — и поступили наилучшим для себя образом: сделали вид, будто так и надо, будто они тебя поддерживают и полностью одобряют. Хотя сами в это время злорадно потирали руки, поскольку ты, сам того не ведая, помог им загнать меня в угол. Возможно, они уже тогда планировали похищение детонатора. А ты так удачно спас мне жизнь, что я оказался перед тобой в неоплатном долгу. Значит, когда встанет вопрос о твоей жизни или смерти, для меня будет делом чести не бросить тебя в трудную минуту. Что сейчас и происходит. Если тебе кажется, что я ошибаюсь, опровергни мои предположения.

Жак мрачно вздохнул:

— У вас выпить есть?

— Прекрати! — нахмурился король. — Что за манера — как только что-то не так, сразу же надираться до состояния бревна! Мало мне кузена-алкоголика! Ты еще заплачь для полноты картины.

— Хотелось бы... — так же мрачно отозвался Жак, но плакать все же не стал. — Знаете, как оно — чувствовать себя по уши в дерьме?

— Если ты имеешь в виду в буквальном смысле, то нет, — серьезно пояснил король. — А если в переносном... Меня тоже предавали. И это, несомненно, обидно до глубины души. Но в данном случае следует не плакать, а действовать. Я полагал, у тебя есть какие-то сведения, которых не знаю я и которые могли бы хоть что-то изменить в столь печальном раскладе, но, вместо того чтобы обсудить создавшееся положение, ты просишь выпить. Следовательно, тебе нечего сказать по делу?

— Не знаю... может быть... подумать надо... а вам срочно?

— Зависит от того, как скоро ко мне опять явится посланник с очередным требованием. Кстати, что тебе сказали господа из агентства в ответ на твою слезную просьбу о помощи?

— Обещали подумать. А Морриган что сказала?

— Тебе действительно хочется это слышать?

— Дайте я угадаю. От души пожелала мне скорей сдохнуть?

— Не совсем, но близко к этому. А господа, значит, все обещают... Не знаю, Жак, можешь ли ты рассчитывать на их

помощь, если то, что я о них думаю, правда. Но все же попробуй настаивать, вдруг я все-таки ошибаюсь или чего-то не учитываю. Если эти господа тебе действительно помогут, я пересмотрю свое мнение о них. Возможно, сегодняшняя провокация была самодеятельностью лорда Сильверстоуна, и именно поэтому он так перепугался при виде начальника. А возможно, в самом агентстве существуют внутренние разногласия, хотя это и вызывает сомнения. Хотелось бы знать, является ли такое ко мне отношение официальной линией вашей конторы, или же это происки некой группы лиц, имеющей свои интересы. И в особенности меня интересует личное отношение ко всему этому конкретного человека, с которым ты общаешься.

— Человек, с которым я общаюсь,— решительно начал Жак,— относится к вам хорошо. И никаких пакостей против вас не замышляет. Иначе он бы не допустил, чтобы Кантор при вас околачивался. Ведь что не так — и Кантор заложник, а его этот дяденька ни в коем случае не хотел бы подвергать опасности. Да и начальник этого человека тем более не позволил бы...

— Потому что служба службой, а сын у него один, сколько бы детей ему ни приписывали досужие сплетники, верно я понимаю? — задумчиво продолжил король.— Жак, ты лично видел мэтра Максимилиано, бывшего полевого агента, а ныне начальника, не знаю, как называется его должность... видел?

— Ну видел,— сдался Жак.— И мне показалось, он тоже ничего против вас лично не имеет, хотя и признаёт, что ваше любопытство может выйти боком двум мирам сразу. Так это и мое мнение тоже, я сам вам говорил...

— Я помню,— согласился король.— Но позволь напомнить, что ты частное лицо и можешь себе позволить поступать сообразно своему личному мнению. А твои приятели — люди несвободные. Они на службе. И особенность их работы такова, что независимо от личных убеждений, мнений и привязанностей поступать они обязаны так, как им прикажут.

— А как же история с Кантором и его рукой? — напомнил Жак.— Это же прямое нарушение, как мне кажется.

— Что ж, если почтенный мэтр провернул все это без ведома начальства и до сих пор успешно скрывает, то он безусловно хороший вор. Но из этого следует, во-первых, что в агентстве «Дельта» не чтят свои же собственные правила и, во-вторых, что мэтр Максимилиано очень уязвим для шантажа. Если кто-

то узнал о его служебном проступке, то можешь себе представить возможные последствия?

— Нет, об этом еще не знают! — с уверенностью заявил Жак. — Помните, я вам рассказывал, что кто-то залез в его личные файлы? Если бы у них уже был компромат, его бы не искали.

— Он что, не совсем здоров — держать такие сведения в доступных местах? Да и вообще, зачем он их хранит? Для кого? Сам ведь и так все знает!

— Да нет, ТЕХ сведений там не было, понятно, что он не стал бы их вообще хранить. Но там было обо мне. И это кто-то прочел. Он еще подумал, что это я, и хотел на меня наехать.

— Знаешь, у меня создается впечатление, что в агентстве «Дельта» полный бардак и каждый делает что хочет. Я не удивлюсь, если окажется, что эта контора уже давно не выполняет своего предназначения «стражей заповедника», а занимается совершенно противоположным. Если не вся, то некоторая ее часть точно. Поэтому я повторяю, будь осторожнее с этими людьми. И доверять им можешь только в том случае, если они действительно тебе помогут, что будет доказательством их непричастности к афере с детонатором. Но даже в этом случае ты можешь доверять только тем, кто конкретно будет участвовать в твоём спасении, а не всей организации в целом. И постоянно должен будешь помнить о том, что если один агент помог тебе решить проблему, то другой такой же агент ее создал. И создаст еще не одну, если будет продолжать в том же духе. Кстати, ты с Толиком не советовался?

— Толик, добрая душа, сделал ручками вот так, — Жак изобразил как, — и заверил меня, что нет проблем. Сейчас он мигом призовет и запустит мне в нос десятка три трудолюбивых рыжих муравьев с полпальца каждый, и они дружным строем прошествуют к месту назначения, выгрызут капсулу и вытащат ее наружу. Вас бы вдохновила такая процедура?

— Жак, ты болван! — рассердился король. — Идиотский вопрос! Если бы речь шла о жизни и смерти, я бы пренебрег вдохновением и как-нибудь стерпел процесс выгрызания! А ты струсил и отказался! Неужели умереть менее страшно, чем немножко потерпеть? Подумаешь, муравьи! Ведь они же призванные и не съели бы тебя!

— Если ничего лучше не придумается, я попробую, — вздохнул Жак. — Честное слово, наберусь смелости и попробую...

— Так я и поверил, что ты когда-либо наберешься того, чего у тебя нет! Вот что, Жак, я категорически требую, чтобы ты представил мне господина Толика. Во-первых, я должен выяснить, что он здесь делает и на чьей стороне играет, а во-вторых, хочу оказать ему посильную помощь в его замыслах с муравьями. И еще — настоятельно рекомендую тебе это сделать до следующего требования вымогателей, потому что иначе, как только это требование поступит, слово короля, я собственноручно тебя скручу и оттащу к доктору Кинг. С помощью мага она успешно найдет твою капсулу и вырежет ее за пять минут. Возможно, ты после этого останешься инвалидом, но жить будешь.

— Я скажу Толику, если увижу, — пообещал несчастный шут. — Но не обещаю, что он согласится.

— Почему он вообще меня избегает с таким упорством? Он чего-то боится или ему просто физиономия моя не нравится?

— Его отпугивает ваше чрезмерное любопытство, о котором он наслышан.

— А если я пообещаю не утомлять его своим любопытством?

— Разве что поклянетесь. Но я в любом случае спрошу. Кстати, ваше величество, если вам эта аппаратура не нужна, можно я ее заберу?

— Пока нужна. Я хотел показать мэтру и еще кое-кому, так что не сейчас. Кстати, напомни мне, будь добр, как это включается.

— Вот здесь, видите этот рычажок? Легонько передвигаете вправо. Только легонько, не сломайте.

— Спасибо, я понял. Кажется, в отличие от моего кузена, я до сих пор не демонстрировал склонности нечаянно ломать хрупкие предметы. И еще, Жак, я хотел поговорить с тобой вот о чем. Ты помнишь нашу беседу о перемещениях?

— Когда?

— Давно, еще в первые месяцы нашего знакомства. Помнишь, меня занимал вопрос: если при перемещении происходит обмен, почему в вашем мире ничего не известно об этом явлении? Ведь по теории в тот же момент, когда у нас появляется переселенец, на его месте должен появиться маг, с которым произошел обмен. Если в Средние века, как ты утверждаешь, с магом бы очень быстро расправилась инквизиция, то в более развитую эпоху все должно быть как-нибудь иначе. К примеру, что случилось с магистром Буллисом, появившимся

из ниоткуда рядом с бездыханным телом господина Хаббарда в конце двадцатого века?

— Это вам лучше было бы у Ольги спросить... — Жак задумчиво взъерошил свою и без того лохматую шевелюру. — Ей легче предположить.

— Я спрашивал. Учитывая тот факт, что господин Хаббард погиб в автокатастрофе, Ольга с уверенностью утверждает, цитирую: «Если ваш магистр не вписался под ближайший автомобиль, то, как только он объяснил, кто он такой, его тут же упекли в психушку».

— Вполне вероятно. Хотя могут быть варианты. Например, перепуганный маг мог начать отбиваться от злобных автомобилей, пасть жертвой отряда полиции и попасть в историю как очередной маньяк или террорист. А еще он мог попытаться телепортироваться и потеряться между мирами, как наш дорогой друг Орландо.

— А как с этим обстоит дело в ваше время?

— В наше... Не знаю. Могу предположить, что в наше время тоже первым делом будет психушка. А еще могу предположить, что агентство «Дельта» проверяет такие случаи и настоящих переселенцев из психушек забирает, но это, сами понимаете, только предположение. А чего вы вдруг вспомнили? Кажется, я в этом мире единственный переселенец, не сдвинутый во времени.

— Да, видишь ли, есть у меня кое-какие мысли... Я объясню тебе потом, это долгий разговор. Мне хотелось бы знать, что стало с тем конкретным магом, замученным в Капель Милагро, который поменялся с тобой местами. По идее, в момент твоей смерти в комнате находились посторонние лица, наблюдавшие за тобой. Ты ведь выполнял для них некую работу, если я верно помню. Они следили, честно ли ты ее выполняешь, и ожидали результатов.

— М-да... — невесело вздохнул Жак. — Интересный результат они получили... Я даю дуба, а рядом со мной появляется из воздуха чужой мужик...

— Я хочу знать, что было дальше. Поинтересуйся, если можно, что известно об обстоятельствах твоей смерти, что нашла полиция при осмотре места происшествия — и вообще все, что сможешь узнать.

— Да зачем это вам? Решили заняться проблемой перемещений?

— Нет, я хочу знать, что стало с конкретным человеком.

— Зачем? Вы что, узнали, кто это был, и обнаружили, что это ваш знакомый?

— Опять нет. У меня возникли некоторые подозрения.

— Поделитесь?

— Пожалуйста. Представь себе описанную выше ситуацию и попробуй спрогнозировать варианты развития событий.

— Что-то мне сегодня плохо думается, расскажите сами. Вы ведь уже спрогнозировали, как я понял.

— Охотно.— Король поудобнее устроился в кресле и приступил к объяснениям.— Итак, первый вариант — переселенец был в очень тяжелом состоянии и почти сразу скончался. Второй вариант — он вполне сносно себя чувствовал и смог поговорить с людьми, находившимися в комнате. В результате они либо договорились о чем-либо, либо нет. В первом случае он ушел с ними, во втором в комнате должны были остаться следы конфликта. Собственно, я прошу тебя навести справки именно затем, чтобы проверить, не ушел ли он и в самом деле с ними и не стал ли с ними сотрудничать.

— А зачем?

— Подумай сам.

— Вы имеете в виду, что он рассказал им о вашем мире, стал оказывать магические услуги и все такое?

— Вот именно, Жак. Если бы его, как ты предположил, нашла полиция или же если бы он умер, все было бы ничего. Но если его забрали с собой те господа, которых потом так и не нашли...

— То что?

— Жак, если ты помнишь, это были преступники.

— Ё!..— ахнул Жак.— Я все понял, можете дальше не объяснять. Я выясню все, что возможно.

— Рад, что тебе не нужно разжевывать подробно. Если все понятно, действуй.

— Хорошо, обязательно,— кивнул Жак.— Вам еще что-то нужно или мне уже можно идти?

— На ужин не останешься?

— Да нет, мне надо Терезу встретить. Да и вы, наверное, уже привыкли ужинать с королевой. Наедине, при свечах, все такое...

Король ничего не ответил, но по его улыбке можно было догадаться, что упомянутые ужины с королевой для него действительно являются чем-то большим, нежели просто прием пищи.

ГЛАВА 3

Я только попугаю всех до смерти, никто этого даже не заметит.

А. Линдгрен

Что-то странное творилось последние пару недель и в бизнесе, и в политике. Господин Пуриш чувствовал это тем самым нюхом, который непременно прилагается к Тени и зовется не иначе как воровским. Источником всех странностей почтенный воротила шоу-бизнеса справедливо считал господина Дорса. Ну подумайте сами, господа, разве это не странно: сначала разворачивается откровенная травля столь крупной фигуры, а через некоторое время, словно поколдовал кто, нападки в одночасье прекращаются. Все дружным хором приносят извинения и каются, как же они могли так нехорошо говорить о таком замечательном господине... Потом люди начинают потихоньку уточнять, чем он так замечателен, постепенно переходя от извинений к откровенным славословиям. Ничего вам не напоминает, господа? Нет? А вот господину Пуришу, который собаку съел на раскрутке бардов, очень и очень напоминает. Именно раскрутка и происходит. Господину Дорсу усиленно создают популярность, причем не случайно, а по его прямому указанию. Кто-то другой, может, и усомнился бы, но никак не господин Пуриш, и причина тут была уже вовсе не в нюхе. Старина Багги лично приходил к нему договариваться о сотрудничестве именно в этой области. Зачем-то понадобилось старому лису, чтобы еще и барды его прославили. То ли мания величия приключилась, то ли задумал в президенты продвигнуться, угадайте с трех раз, что вероятнее. Взамен предлагались хорошие деньги, и помимо денег делались намеки на эксклюзивное право распространения неких совершенно уникальных записей чуть ли не из другого мира. От лестного предложения господин Пуриш отказался. Деньги, конечно, дело хорошее, но, когда речь идет о Багги Дорсе, лучше излишняя осторожность, чем убытки. Уникальные записи, конечно, тоже весьма соблазнительно, но где хоть какая-то гарантия, что Дорс не надует, как надул тех мистралийцев? Как бы там ни распинаясь купленные борзописцы, представляя пострадавшего от бандитских налетов честного предпринимателя, какой же дурень поверит? Багги честный — обхохочешься! А мистралийцам у себя дома, наверное, делать нечего, так

их какие-то демоны в Голдиану понесли. Просто так, без всякой причины, над честным предпринимателем поиздеваться. Нет уж, извините, с Багги какие-то дела иметь — трижды подумать надо. К тому же заставить хорошего барда сочинять хвалебные песни такому негодяю, как Багги, крайне сложно. Практически невозможно. Вспомнить хотя бы несчастного маэстро Эль Драко, который голову сложил, но талант свой не продал. А плохих бардов господин Пуриш в хозяйстве не держал. Впрочем, отказываться наотрез он тоже не стал. Мало ли чем все кончится, вдруг дела обернутся так, что придется срочно пересматривать решение. Сам-то он не бард, жизнью жертвовать за убеждения не собирается, припрет — будем прославлять и воспевать что скажут. Наберем бардов похуже и займемся. Противно будет, неинтересно, но куда денешься...

Так что ответил господин Пуриш на лестное предложение не категорически, а уклончиво. Дескать, пока его все это не интересует, а в дальнейшем видно будет. Впрочем, Багги все равно обиделся, разозлился и удалился, топая ногами и грозя, что «несчастный трус» и «зажравшийся эстет» об этом еще пожалеет. Что ж, если он имел в виду своих головорезов, ряды которых сильно поредели после разборок с мистралийцами, то их господин Пуриш не особенно боялся. Тоже не бродячий сказитель, охрана имеется, и не хуже чем у других, даже лучше в некотором смысле. Обычная охрана — она у всех состоятельных людей есть, а вот ручных леопардов, которые по команде хозяина загрызут любого, нет больше ни у кого. Разумные меры предосторожности он все-таки принял — теперь, кто бы к нему ни пришел, при беседе присутствовали зубастые любимцы. На всякий случай. Посетители, конечно, пугались, несколько молодых певичек даже в обморок упали, но уж лучше пусть посетители пугаются, чем сам хозяин пострадает. Вряд ли, конечно, старина Багги прямо так сразу и пошлет к нему убийцу, скорее всего, сначала припугнуть попытается или и в самом деле повторит свое предложение, когда «раскрутится» немного, но осторожность — она никогда не лишняя.

Господин Пуриш всегда был человеком благоразумным и осторожным, однако же иногда и он делал глупости. Что поделать — он был еще и любопытным. Когда секретарь сообщил, что к нему желает записаться на прием некий мистралиец по поводу распространения уникальных звукозаписей, привезенных из иного мира, почтенный магнат не устоял. Уж слишком ему захотелось разобраться, кто это такой и что ему на

самом деле нужно. С одной стороны, упоминание об уникальных записях вызывало закономерное предположение, что это посланец от Багги, призванный либо заинтересовать господина Пуриша в отвергнутом предложении, либо припугнуть. С другой стороны, национальная принадлежность посетителя позволяла предположить, что он представляет, так сказать, противоположную сторону и имеет намерения договориться о союзе против Дорса и его синдиката. В любом случае господину Пуришу было на руку и приобрести союзника, и узнать подробнее о загадочных обещаниях Багги, а также беспощадно обломать попытку наезда, дав понять мерзавцу, что не на пугливого напал. Поэтому таинственный мистралиец был записан на прием и принят согласно записи в десять тридцать утра двадцать седьмого дня Бирюзовой луны.

С первого взгляда на посетителя почтенный магнат запоздало пожалел о своем любопытстве. Даже если бы он не обладал классовым чутьем, трудно было ошибиться в профессии этого подтянутого господина с походкой кошки и пластикой змеи, особенно если учесть, какое количество разнообразного оружия он сдал охране на входе. Пожалуй, из этого мистралийца вышел бы неплохой танцовщик, если бы он избрал путь барда, а не воина, но в данном случае господин Пуриш даже не засомневался, что перед ним убийца. Вопрос только в том, нанял ли его Багги по прямой специальности, или же у мистралийцев не нашлось никого поприличнее. На всякий случай господин Пуриш подал условный знак своим четвероногим телохранителям, и они с ворчанием подошли поближе, улегшись по обе стороны от кресла посетителя. Мистралиец взглянул на них мельком, как-то странно и не к месту улыбнулся и поприветствовал хозяина, чуть приподняв шляпу. Снимать свой головной убор, затенявший пол-лица, он явно не собирался. Затем без малейших признаков неудобства, не говоря уж о страхе или замешательстве, преспокойно перешагнул через леопарда и изящно опустил в кресло.

— Меня зовут дон Диего,— начал он. Фамилию даже не упомянул, отметил про себя господин Пуриш. Непонятно только, из каких именно соображений дон Диего пожелал сохранить анонимность.— Я наслышан о вас как о человеке порядочном, поэтому позволил себе смелость обратиться именно к вам. Видите ли, у меня есть невеста...

— От души вас поздравляю,— подбодрил его гигант шоу-бизнеса.— Однако какое отношение имею к этому я?

— А у нее есть кристаллы с музыкой, ранее не исполнявшейся в этом мире,— продолжил посетитель.— Она никогда не пыталась их переписывать и распространять, так как полагала, что такая музыка не будет иметь успеха и не принесет дохода. Я хотел бы услышать ваше мнение как специалиста, действительно ли это так. Если вы найдете предложенные вашему вниманию пьесы перспективными, я готов обсудить с вами условия реализации. Знаете, моя профессия связана с большим риском, и хотелось бы как-то обеспечить семью на случай потери кормильца, так как сбережений у меня, к сожалению, нет...

— А где вы работаете? — спросил господин Пуриш для поддержания разговора. На самом деле его больше интересовало, что особенного нашла малышка Тиа в сапогах этого делового жениха и почему она с таким азартом их обнюхивает?

— Я работаю в личной охране одной высокопоставленной особы,— уклончиво пояснил мистралиец. Ясное дело, все они так говорят... — Мой работодатель ведет весьма активный образ жизни и имеет множество врагов, так что работа действительно опасная.

Был ли это намек на то, кто и зачем его послал, или же ни к чему не обязывающее вранье? Господин Пуриш начал уже нервничать из-за невозможности определить истинную цель визита дона Диего. К тому же звери вели себя все более странно — никогда такого не было, чтобы они вставали с места без команды и без разрешения столь нахально лезли к чужим... Неужели кто-то нашел способ вывести из игры его самых верных и грозных охранников, и сейчас этот способ либо испытывается, либо уже работает?..

— Тиа, Хон, лежать,— негромко, но внушительноскомандовал он. Хон недовольно заурчал, однако улегся на место. Его подруга в растерянности завертела мордой, переводя взгляд с хозяина на гостя и обратно, словно не знала, что делать. Затем ткнулась носом в руку мистралийца, спокойно лежавшую на подлокотнике кресла, как она обычно делала, напрашиваясь на ласку. И тут случилось такое, от чего господин Пуриш покрылся холодным потом и почти приготовился расстаться с жизнью. Этот гад, который морочил ему голову невестами, записями и условиями реализации, без всякой опаски протянул руку и погладил хищницу по голове. Да не просто погладил — потрепал по загривку, почесал за ушами и ласково назвал «хорошей киской»! А подлая киска, забыв, кто ее хозяин и

кормилец, радостно заурчала и принялась тереться мордой о колено какого-то чужого мистралийца, словно он ей мать родная!

— Не беспокойтесь,— сказал мистралиец, улыбаясь, как будто ему предложили полугодовой контракт на концертное турне по континенту, и — о ужас! — полез во внутренний карман куртки.— Ваши звери меня не тронут. У меня особые отношения с кошками.

Господин Пуриш окончательно простился с жизнью, ожидая, что сейчас этот головорез вытащит что-то успешно утаенное от охраны на входе и... Зачем, ну зачем он его вообще пустил!

Мистралиец достал завернутый в лоскут дорогого бархата музыкальный кристалл и положил на стол.

— Послушайте,— предложил он как ни в чем не бывало и снова принялся гладить нахапку Тиа,— я оставлю вам кристалл, можете послушать в свободное время. Когда мне прийти за ответом?

«Никогда, сволочь!» — чуть не закричал господин Пуриш, с трудом веря, что этот укротитель леопардов сейчас действительно уйдет, не сделав ничего особенного.

— Во вторник? — через силу выговорил он, не в силах привести в порядок мысли. Может, его посетитель — маг, а он сразу не понял? Может, оборотень? Кто еще мог позволить себе безнаказанно трепать по загривку его леопардов?

— Замечательно, во вторник,— охотно согласился мистралиец и, еще раз погладив Тиа, одним плавным, грациозным движением покинул уютные объятия кресла. Действительно, отличный бы получился танцовщик... — В это же время?

Насмерть перепуганный деятель шоу-бизнеса только кивнул. Станный посетитель посмотрел на зверей, которые уже вдвоем дружно терлись о его колени, и как бы между прочим заметил:

— Очаровательные животные. Это те самые? Наследство маэстро?

— Откуда такая осведомленность? — потихоньку отходя от потрясения, позволил себе поинтересоваться господин Пуриш.

— Слышал.— Мистралиец в последний раз приласкал леопардов и направился наконец к двери.— Всего хорошего, сударь. Приятно было познакомиться с вами... и с вашими очаровательными котиками. До вторника.

Прощаясь, он опять приподнял шляпу. Чуть выше, чем в первый раз, и из-под широких полей на секунду или две мелькнули его глаза.

— До свидания... — еле выговорил господин Пуриш, судорожно дергая ящик стола, где лежали сердечные капли.

Этого не могло быть! Лицо... голос... Но глаза... Иллюзия? Родственник? Только похож? А как же эти глаза? И перчатка... Почему он так и не снял перчатку с правой руки? А леопарды? Неужели Тиа просто так дала бы чужому себя погладить? Или он в самом деле маг?

Мистралиец повернулся и ушел, ничего не заметив или сделав вид, что не заметил. А бедный предприниматель отменил все остальные визиты на этот день, заперся в своей спальне и до глубокой ночи маялся сомнениями и догадками, запиная их попеременно то лекарствами, то галлантским коньяком.

Что смешнее всего, на кристалле оказалась действительно музыка, какой господин Пуриш никогда и нигде не слышал.

— Что? Он такое сказал? Он это серьезно сказал? — Возмущение мэтра Альберто было беспредельно, и выражал он его так бурно, как могут только мистралийцы.

Жак печально кивнул:

— Король вообще мужик серьезный. Он так и сказал: или у вас в агентстве полный бардак и левая рука не ведает, что творит правая, или же вы целенаправленно стремитесь их ни в чем не повинное величество изничтожить морально и физически. Чего он вам сделал, в самом деле? Ну любопытный не в меру, но не принудит же он вас к контакту, если сами не захотите. А что он еще должен был подумать после того, что вы ему устроили?

— А что мы ему устроили?

— А вы как бы не в курсе? Ваш лондрийский центровой такую подставу его величеству организовал, что если б не счастливая случайность, то я и не знаю, что бы было.

Алхимик тяжело вздохнул и зачем-то заглянул в кофейник, который и не думал закипать.

— Расскажи подробнее, — грустно попросил он. — Я действительно не в курсе. И шеф ничего не может понять. Пропал человек, как сквозь землю провалился, послал аварийный сигнал и исчез. Что он там сделал? И почему ты так уверен, что это он?